

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР #1

ДЖЕННИФЕР ПРОБСТ

СТО ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР

КНИГА, СПОСОБНАЯ
ПОХИТИТЬ ВАШЕ СЕРДЦЕ.

NEW YORK TIMES

Annotation

Для того чтобы спасти дом своих родителей, импульсивной хозяйке книжного магазина Алексе Маккензи срочно требуется состоятельный муж. Для этого она находит секрет любовного приворота. Но у нее и в мыслях не было приворожить старшего брата ее лучшей подруги, который однажды уже разбил ей сердце.

Миллионер Николас Райан не верит ни в институт брака, ни в любовь. Однако, для того чтобы получить корпорацию своего дяди, Ник должен жениться, причем срочно. И по совету сестры он делает предложение ее подруге Алексе, обещая той разрешить все финансовые проблемы. Согласно договору, брак должен продлиться не менее года, по существу оставаясь фиктивным. Таким образом, новоиспеченным супругам надлежит следовать жестким правилам. Не влюбляться. Придерживаться исключительно деловых отношений. Избегать любых сложностей. На первый взгляд данные правила вполне выполнимы. Не правда ли? Но судьба иногда способна разрушить даже самые идеальные планы...

Впервые на русском языке!

Дженнифер Пробст

Брачный договор

Моей маме

*Ты читала мои первые романтические описания,
напечатанные на старой пишущей машинке,
и даже не пропускала любовные эпизоды.*

*Ты подбадривала меня, убеждая быть верной своей мечте, и
никогда не считала это простым увлечением.*

*Ты поддерживала меня в горе и в радости, каждый день,
на протяжении многих лет. Ты вдохновляла меня,
и благодаря тебе я становилась все лучше.*

Я горжусь тем, что я твоя дочь.

Эту книгу я посвящаю тебе, Мама.

Тринадцать лет назад...

– Кто не спрятался, я не виновата! – Алекса убрала руки от лица и обернулась.

Лес дышал жутковатой тишиной, но она чувствовала, что ее друзья притаились где-то поблизости. Она сорвалась с места, лавируя между толстыми соснами, приминая кусты и наступая на сучки. До нее донесся обрывок приглушенного смеха. Алекса наострила слух.

Она устремилась на звук, но эхо обмануло ее, и прочь прыснула лишь спугнутая белка с большим орехом. Лесная прохлада поманила Алексу дальше в чащу. Она быстро проверила место, где обычно пряталась Мэгги, но там оказался лишь ворох листьев. Алекса замедлила шаг, уже подумывая вернуться, но рядом неожиданно раздался голос:

– Все еще играешь в прятки, как маленькая?

Алекса резко обернулась и с возмущением уставилась на старшего брата своей лучшей подружки.

– Но ведь весело же! – отозвалась она.

Когда-то они с Ником были закадычными друзьями – до тех пор, пока в одно прекрасное утро он решил больше не тратить на нее своего драгоценного времени. Он перестал болтать с ней, не забегал уже, как прежде, к ней домой угоститься шоколадным печеньем, не отпускал в ее адрес неприличных шуточек. Теперь, судя по всему, его вниманием завладели более взрослые девушки, пустоголовые и грудастые. И пускай! Алекса не собиралась ходить за ним хвостиком, как бывало в детстве.

– Ну где тебе понять! Ты же с нами теперь не водишься! И что ты здесь делаешь один?

Ник поднялся с травы и подошел к ней. Ему уже исполнилось шестнадцать, и в какого же невозможного зануду он превратился! По любому поводу поднимал Алексу на смех и строил из себя Господа Бога, а все потому, что был на два года старше.

Он остановился прямо перед ней, лениво переминаясь на длинных мускулистых ногах. Его курчавые волосы совершенно удивительного цвета – то ли светло-каштанового, то ли золотистого – падали на лоб и слегка прикрывали уши. «Похожи на мои утренние хлопья „Чекс“, – подумала Алекса. – На смесь риса с пшеницей и кукурузой». Черты его худого лица были угловатыми, с резко очерченной линией рта. Алексу почему-то так и тянуло остановить на ней взгляд. Светло-карие глаза светились умом, а еще в них угадывалось страдание. Со страданием Алекса тоже была хорошо знакома. Только это и связывало их с Ником.

Ник Райан был сыном богатых родителей. Он всегда держался особняком и ни с кем особенно не водился. Алексу удивляло, как его сестра Мэгги умудряется быть такой компанейской.

– Поосторожнее надо в лесу, малышка. Так можно и заблудиться.

– Я здесь дорогу найду побыстрее тебя!

– Может, и так, – с высокомерным видом пожал плечами Ник. – Тебе бы парнем родиться.

Алекса вспыхнула. Она невольно стиснула кулаки и тряхнула хвостом:

– А тебе – девчонкой! Все знают, Красавчик, что ты ручки боишься замарать!

Прямое попадание! Ника ее выпад явно уязвил.

– Пора бы тебе стать настоящей девушкой, – отозвался он.

– Как это?

– Краситься. Прихоращиваться. Целоваться с мальчиками.

Алекса ни за что не потратила бы свои бесценные карманные деньги на помаду. Ей трудновато было выкроить деньги даже на обновку, не говоря уже о косметике и духах.

– Пакость! – воскликнула она, изображая, что ее тошнит от всего этого.

– Ты, наверное, и не целовалась-то ни с кем. – В его голосе ясно слышалась насмешка.

Почти все подружки Алексы к четырнадцати годам уже хотя бы раз целовались, в том числе и Мэгги, а у нее от одной мысли о поцелуях все внутри переворачивалось. Впрочем, она лучше умерла бы, чем призналась в этом Нику.

– Еще как целовалась!

– И с кем?

– Тебя не касается. И вообще, я пошла.

– Докажи!

Алекса так и замерла с поднятой ногой. Где-то рядом резко свистнула птица, и Алекса поняла, что приближается к неведомому рубежу. Она вздернула подбородок и с вызовом спросила:

– Что тебе доказать?

– Докажи, что умеешь целоваться.

У нее внутри что-то скользнуло вниз, сердце учащенно забилося, а ладони миглом вспотели. Она скорчила гримасу:

– С тобой?

– Так я и знал.

– Почему я должна с тобой целоваться? Я терпеть тебя не могу!

– Хорошо, забыли. Я просто хотел убедиться, что ты настоящая девушка. Но теперь вижу, что ошибся.

Его слова больно ранили Алексу. Сомнение и неуверенность разом взметнулись в ней, лишней раз подтверждая, что она не такая, как все. И почему она не может быть как Мэгги? Почему ее влекут не мальчики, а живопись, чтение, животные? Может, Ник прав и она неполноценная? Кто знает...

Ник пошел прочь.

– Подожди!

Он остановился и некоторое время стоял не оборачиваясь, словно взвешивая, уважить ли ее просьбу. Наконец он оглянулся и неохотно спросил:

– Ну что?

Алекса заставила себя подойти к нему и заглянуть ему в лицо. Ноги у нее подгибались, тело было словно чужое, а к горлу подступало что-то похожее на тошноту.

– Я умею целоваться. И я... сейчас докажу тебе.

– Отлично. Давай! – Ник вызывающе подбоченился: его всегдашняя поза, означавшая крайнюю скуку.

Призывая киношные воспоминания, Алекса подалась вперед. «Я не должна облажаться! Расслабь губы. Дыши глубже. Голову наклони набок, чтобы не столкнуться с ним носами. Боже, а вдруг я шмякну его в подбородок и пораню до крови? Нет, не надо думать об этом... Целоваться – это же пустяки!»

Проще простого. Проще простого. Проще простого....

Ее губы обдало его легким и теплым дыханием. Алекса запрокинула голову и замерла. И

тогда его губы приникли к ее губам.

Алекса даже не заметила сближения: в ней неожиданно взорвалась целая гамма ощущений. Прикосновение его пальцев к ее плечам. Мягкое нажатие его рта. Душистый лесной запах, смешанный с дразнящим ароматом одеколona.

За эти несколько мгновений Ник преподнес ей редкостный дар. Сердце Алексы распахнулось, и по всему телу разлилось необъяснимое тепло. Ее первый настоящий поцелуй! Сколько она его опасалась, как боялась этого испытания, как переживала, что возненавидит и мальчишек, и поцелуи и навек останется ненормальной! Теперь Алекса поняла, что она уже взрослая девушка. В этом больше не могло быть сомнений.

Ник медленно отстранился. Алекса нехотя разомкнула веки. Их взгляды встретились, и надолго. Ее чувства клокотали и кипели, переплескиваясь через край, – точь-в-точь как в парке «Большое приключение»^[1], когда она устремлялась вниз на бревне. Она замирала от страха и восторга. С бьющимся сердцем Алекса искала отклик в его глазах.

На лице Ника появилось странное выражение. Он смотрел на нее так, словно впервые увидел. На краткий миг в его золотисто-карих глазах промелькнуло глубоко потаенное, невидимое другим переживание – отблеск ранимости. Его губы неуверенно изогнулись в улыбке.

Алекса, ликуя про себя, тоже улыбнулась. Она знала, что Ника теперь можно не дичиться: он больше не будет высмеивать ее. Он наконец-то обратил на нее внимание! Все враз изменилось. И до поры усердно подавляемые, старательно гонимые фантазии вдруг сами собой сорвались с языка слишком поспешными, необдуманноими словами:

– Когда-нибудь я выйду за тебя замуж!

Алекса не сомневалась в его согласии – ведь они же друзья, он целовался с ней! Она доверилась ему всем своим существом и ждала теперь, что он еще шире расплывется в улыбке, скажет ей «да» и удостоверит тем самым перемену в их отношениях после такого чудесного поцелуя.

Но на его лицо словно упала незримая штора. Прежний Ник вдруг исчез, а этот, новый, почему-то расхохотался. Алекса растерянно заморгала, не понимая причины его смеха, но, встретившись с Ником взглядом, разом похолодела.

– Замуж? Ну, Эл, ты и выдумала! Если я когда-нибудь женюсь, то на настоящей женщине, а не на девчонке! – Он насмешливо потряс головой, словно предвкушая долгую потеху над ее шуткой. Со своими приятелями. И взрослыми подружками.

Алекса застыла на месте, в ужасе глядя на него и безуспешно подыскивая какой-нибудь язвительный ответ. Ник, продолжая посмеиваться, сказал:

– Ты, впрочем, подаешь надежды. Немного потренироваться – и из тебя выйдет неплохая лизунья. Пока, малявка! – И он скрылся за деревьями.

Рядом кто-то громко захихикал. Алекса, помертвев, обернулась и заметила в кустах одну из подружек по игре. Теперь все узнают...

И тогда, на пороге взросления, Алекса дала себе первый зарок: никогда больше она не позволит ни Нику, ни другому парню себя унижать. А любить по-настоящему стоит только своих родных и друзей. К мальчишкам же отныне не может быть никакого доверия. Она хорошо усвоила преподанный ей урок!

Она отвернулась и побежала прочь без оглядки, забыв про прятки, недоумевая, почему так больно сжимает в груди. Но тогда она была, конечно, слишком юна, чтобы догадаться о причине.

Алекса постигла ее через много лет – разбитое сердце.

Ей срочно нужен был мужчина.

И желательно обладатель лишних ста пятидесяти тысяч долларов.

Александрия Мария Маккензи глядела на костерок, разведенный ею посреди собственной гостиной, и вопрошала себя, не тронулась ли она окончательно умом. В руке она держала список качеств, которыми хотела бы наделить идеального партнера. Верность. Ум. Чувство юмора. Надежный семьянин. Любовь к животным. И солидное состояние.

Прочие ингредиенты она уже успела предать огню: волосок, вырванный у мужчины-родственника (брат все еще дулся на нее), и смесь душистых трав (вероятно, для смягчения характера будущего избранника). Ну и палочка для... хм, ей неловко было даже думать, что это за символ.

Алекса перевела дух, швырнула листок бумаги в ведро из нержавеющей стали и стала смотреть, как он обращается в пепел. Привораживая любовь, она чувствовала себя полной идиоткой, но выбора у нее не оставалось, да и терять ей было по большому счету нечего. К тому же она полагала, что владелица книжного магазина в студенческом городке в северной части Нью-Йорка может позволить себе подобные причуды. В том числе попросить у Матери-Земли идеального жениха.

Языки пламени взметнулись выше, и Алекса поспешно схватила огнетушитель. Над ведром поднялся едкий дым, навевая воспоминание о сожженной пицце, от которой в духовке до сих пор оставалась пригорелая корка. Алекса брезгливо сморщила нос и снова направила струю в ведро, а потом пошла за бокалом красного вина, чтобы отпраздновать событие.

Мама собирается продать Тару.

Их семейное гнездо.

Достав бутылку «Каберне Совиньона», Алекса в который раз задумалась над своей дилеммой. Ее магазин был и без того заложен-перезаложен, а она еще хотела открыть при нем кафе, что требовало тщательного планирования, и на другие расходы не оставалось ни цента. Она снова оглядела свою квартиру, расположенную в мансарде викторианского дома, прикидывая, что здесь можно продать, но сразу поняла: ровным счетом ничего. Даже на eBay.

Алексе уже исполнилось двадцать семь, и ей, конечно, хотелось жить в каком-нибудь шикарном доме, носить одежду от известных кутюрье и каждый уик-энд ходить на свидания. Вместо этого Алекса забирала к себе бездомных собак из местного приюта, а наряд обновляла за счет модных шарфиков. Она верила, что счастье непременно придет – стоит только повернуться к нему лицом и следовать зову сердца. К сожалению, все эти качества не могли спасти материнский дом.

Алекса глотнула еще рубиново-красного вина. Приходилось признать, что сделать ничего нельзя. Ни у кого в семье не было лишних денег, и очередной приход налогового инспектора больше не предвещал счастливого исхода. Она не Скарлетт О'Хара, и ее отчаянная попытка приворожить идеального мужчину ни к чему, разумеется, не приведет...

В дверь позвонили.

От изумления Алекса приоткрыла рот. Боже мой, неужели это он? Она оглядела свои поношенные спортивные штаны и довольно короткую кофту – может, она еще успеет

переодеться? Алекса подскочила к встроенному шкафу, чтобы быстренько порыться в нем, но звонивший был настойчив. Алекса подошла к двери, глубоко вдохнула и открыла.

– Еще немного – и я бы ушла!

Надежды мигом рухнули. На пороге стояла ее лучшая подруга Мэгги Райан.

– А я думала, это мужчина, – ухмыльнулась Алекса.

Мэгги хохотнула, прошла в гостиную и, сверкнув вишневого оттенка ногтями, плюхнулась на диван:

– Ага, мечтай, мечтай! Последнего претендента ты сама спугнула, и я больше не собираюсь тебя ни с кем знакомить. Что у вас там произошло?

– Я спугнула? О чем ты говоришь? Мне показалось, он собирался на меня наброситься!

Мэгги изумленно вздернула бровь:

– Но он просто слегка наклонился, чтобы поцеловать тебя на прощание! Ты отшатнулась и упала на задницу, а он почувствовал себя последним болваном. Эл, люди при расставании обычно целуются! Традиция такая!

Алекса, перевернув ведро, вытряхнула остатки пепла в мусорный мешок.

– Он за ужином переел чеснока. Мне и стоять-то рядом с ним было противно!

Мэгги взяла бокал с вином и сделала большой глоток, затем вытянула длинные, обтянутые кожаными штанами ноги в сапогах на высоком каблуке и взгромоздила их на обшарпанный столик.

– Напомни-ка мне, когда ты в последние десять лет занималась сексом?

– Стерва!

– Девственница!

– Ладно, сдаюсь, твоя взяла, – рассмеялась Алекса. – А как объяснить твое появление у меня в субботний вечер? Кстати, отлично выглядишь!

– Спасибо. Я договорилась тут с одним парнем встретиться в одиннадцать в баре. Пойдешь со мной!

– На твое свидание?

Мэгги скривилась и допила вино:

– С тобой хоть будет не скучно. А он зануда.

– Зачем тогда встречаешься с ним?

– Он симпатичный.

Алекса присела рядом на диван.

– Жаль, что я не такая, как ты, – вздохнула она. – И почему у меня столько комплексов?

– И почему у меня нет ни одного? – Мэгги скривила губы, а затем указала на ведро: – По какому поводу пожар?

– Я ворожила на любовь, – вздохнула Алекса. – Чтобы найти, э-э, мужчину...

– Нормально! – запрокинув голову, расхохоталась Мэгги. – А ведро тебе зачем?

Алекса вспыхнула: ей теперь вовек не оправдаться.

– Я развела огонь в честь Матери-Земли, – неохотно пробормотала она.

– Боже ты мой!

– Сначала выслушай! Я в отчаянии. Мистера Совершенство я пока не встретила, но возникла еще одна небольшая проблема, и ее надо срочно решить, вот я и совместила обе проблемы в одном списке.

– В каком еще списке?

– Одна из моих покупательниц рассказала мне, что приобрела у меня вот такую книжку

с любовными заклинаниями. И когда она составила список со всеми теми качествами, которыми должен был бы обладать ее мужчина, он сразу нарисовался.

– В ее жизни появился человек с теми чертами характера, которые она хотела видеть в нем? – заинтересовалась вдруг Мэгги.

– Ага. Но список должен быть очень конкретным. Если он будет слишком неопределенным, ты собьешь космос с толку своими путаными желаниями, и он тебе вообще ничего не пошлет. Покупательница уверяла, что если все делать правильно, то нужный мужчина обязательно явится.

Зеленые глаза Мэгги вспыхнули нетерпением.

– Покажи-ка эту книжку!

Ничто так не утешает в поисках жениха, как соседство одинокой подруги в погоне за мужчиной. Алекса, уже не чувствуя себя полной идиоткой, подбросила ей брошюрку в матерчатой обложке.

– Хм... И где твой список?

– Сожгла, – махнула Алекса в сторону ведра.

– Спорим, у тебя под матрасом завалилась копия? Не трудись, сама достану!

Мэгги прошествовала к канареечно-желтому футону и стала шарить рукой под подушками. Через несколько мгновений она торжествующе воздела вверх листок бумаги и плотоядно облизнулась, словно предвкушая прочтение эротического романа. Алекса, понурившись, поудобнее устроилась на ковре: позориться – так до конца.

– Пункт первый, – изрекла Мэгги. – Болельщик «Метсов»^[2].

Алекса с трудом сдержалась, чтобы не возмутиться.

– Бейсбол?! – взвизгнула Мэгги и для пущей театральности потрясла в воздухе списком. – Как же ты додумалась, черт возьми, поставить это самым важным пунктом?! «Метсы» столько лет проигрывают в чемпионате страны! Да в Нью-Йорке почти все поголовно болеют за «Янки»^[3], поэтому добрую половину мужского населения можешь сразу исключить!

Алекса стиснула зубы. И почему она постоянно вынуждена терпеть нападки из-за своих симпатий к якобы неправильной нью-йоркской команде?

– У «Метсов» есть и сила духа, и характер. Мне нужен мужчина, который не боится поддержать аутсайдеров. Я отказываюсь спать с болельщиком «Янки».

– Ты неисправима. Сдаюсь, – подытожила Мэгги. – Пункт второй: любит книги, искусство и поэзию. – Она задумчиво помолчала, потом пожала плечами. – Возражений нет. Третье: приверженец моногамии. Очень важный пункт. Четвертое: хочет детей. – Она оторвалась от чтения. – А сколько?

– Я сама желала бы троих, – улыбнулась Алекса. – Но соглашусь и на двоих. Мне что, и в списке уточнить их количество?

– Не надо, Мать-Земля сама разберется, – разрешила Мэгги. – Пункт пятый: умеет общаться с женщиной. Вот это очень кстати. Лично меня уже тошнит от книг о Венере и Марсе. Я одолела всю серию, но так ни черта и не поняла. Пункт шестой: любит животных. – Она патетически застонала. – Такая же глупость, как эти твои «Метсы»!

Алекса, не вставая с ковра, резко обернулась:

– Если он терпеть не может собак, разве я смогу и дальше участвовать в волонтерской программе приюта? А вдруг он охотник? Я проснулась среди ночи, а на меня с каминной полки будет плясать голова убитого оленя?

– Какая ты впечатлительная. – Мэгги вернулась к списку. – Пункт седьмой: обладает нравственными и этическими нормами и стремится к искренности. Это нужно было поставить в самое начало, но черт с ним, раз я не болею за «Метсов». Пункт восьмой: искусный любовник. – Она вскинула брови. – В моем списке я бы поставила это на второе место, но надо радоваться, что такой пункт у тебя вообще есть. Может, ты все же не так неисправима, как мне раньше казалось.

– Продолжай. – Алекса мучительно сглотнула, готовясь к самому неприятному.

– Пункт девятый: хороший семьянин. Ну, это логично. Ваш клан чем-то напоминает мне эту ненормальную семейку Уолтонов^[4]. Ладно, пункт десятый...

Стало слышно, как тикают часы. Алекса молча наблюдала за Мэгги, которая снова и снова перечитывала десятый пункт.

– Алекса, мне кажется, я тут что-то не разобрала...

– Вряд ли, – вздохнула та.

– Имеет наличными сто пятьдесят тысяч долларов, – прочитала вслух Мэгги и взглянула на подругу. – Ну-ка давай поподробнее!

Алекса посмотрела на нее снизу вверх и пояснила:

– Мне нужен мужчина, которого я смогла бы полюбить, но у которого к тому же есть деньги, а конкретно сто пятьдесят тысяч долларов. Нужен просто до зарезу.

Мэгги встряхнула головой, словно выныривая из воды:

– Зачем?

– Чтобы спасти Тару.

– Тару? – растерянно заморгала Мэгги.

– Да, мамин дом. Как в фильме «Унесенные ветром». Помнишь, моя мама все время шутила, что нам не хватает хлопка, чтобы оплачивать счета? Я не говорила тебе, Мэггс, в каком мы оказались тупике. Мама хочет продать дом, но я не могу с этим смириться. Денег у них нет, и переехать им некуда. Я на что угодно решусь, лишь бы им помочь, даже выйду замуж. Совсем как Скарлетт.

Мэгги горестно вздохнула, схватилась за сумочку и выудила оттуда мобильник.

– Что ты собираешься делать?! – в панике воскликнула Алекса, глядя, как подруга набирает чей-то номер.

Может, Мэгги неправильно ее поняла, но ведь прежде Алекса никогда не решала собственные проблемы за счет мужчин. Вот оно, падшее величие...

– Отменяю свидание. Думаю, последний пункт не мешает обсудить. И еще я звоню своему психотерапевту. Она такая лапочка, все понимает и сможет принять меня даже ночью.

– Ты настоящая подруга, Мэгги! – рассмеялась Алекса.

– Да ладно, свои же люди!

* * *

Николасу Райану к богатству оставалось только руку протянуть.

Но для достижения желаемого ему необходима была жена.

Ник исповедовал несколько основных постулатов. Усердный труд во имя достижения цели. Усмирение гнева и обращение к рассудку в критических ситуациях. И проектирование

зданий – прочных, но эстетически безупречных, где закругления удачно сочетаются с гранями. Зданий из кирпича, бетона и стекла – зримых воплощений основательности, которая так нужна людям в их повседневной жизни. Краткий момент изумления у человека при первом взгляде на конечное творение был так же насущно необходим Нику, как и все вышеперечисленные составляющие.

Но ни в вечную любовь, ни в брак, ни в семейные отношения Ник не верил. Они казались ему бессмысленными, и он давно решил оградить себя от подобных социальных отягощений.

К сожалению, дядя Эрл изменил правила игры.

Ника словно ударили под дых, и он едва не прыснул со смеху, оценив черный юмор ситуации. Рывком встав с кожаного кресла, Ник сорвал с плеч темно-синий пиджак, развязал шелковый полосатый галстук и содрал с себя белоснежную рубашку. Одним движением он расстегнул пряжку на брючном ремне и быстро переоделся в серые спортивные штаны и футболку им в тон. Всунув ноги в кроссовки «Найк Эр», Ник прошел в свое святилище – комнату по соседству с кабинетом, уставленную макетами и увешанную эскизами и потрясающими снимками. Имелась здесь и беговая дорожка, гири и набитый под завязку бар. Ник нажал кнопку на пульте MP3-плеера. Из колонок полилась мелодия из «Травиаты», и его голова начала понемногу проясняться.

Он включил беговую дорожку, стараясь не думать о сигарете. Пять лет прошло после того потрясения, а его все еще тянуло покурить. Раздосадованный своей слабостью, он начал тренировку. Бег, особенно в привычной обстановке, хорошо успокаивал его. Здесь ему не мешали ни громкие посторонние голоса, ни слепящие лучи солнца, ни бульжники и скользкие гольши на тропинке. Ник переключил кнопку на панели и перешел на размеренный шаг, надеясь таким образом прийти к решению.

Он понимал дядин замысел, однако ощущение предательства постепенно лишило его внутреннего спокойствия. Как ни крути, самый любимый из родственников обошелся с ним как с пешкой в своей игре.

Ник встряхнул головой. Ведь этого следовало ожидать... В последние месяцы дядя с воодушевлением разглагольствовал о значимости семьи для человека, и малоубедительные возражения племянника, видимо, обескуражили его. Ник не понимал, чему тут удивляться: в конце концов, его семейство могло служить воплощенной рекламой контроля за рождаемостью.

Дрейфуя от одного увлечения к другому, Ник вскоре уяснил для себя одно: все женщины мечтают о браке, а брак означает полную неразбериху в чувствах. Войну эмоций. Детей, требующих внимания и тем самым ослабляющих супружеские отношения. Жажду большей свободы, пока не наступает вполне предсказуемый во всех подобных случаях конец – развод. С детьми в виде жертв.

Нет уж, спасибо...

Ник увеличил наклон дорожки, отрегулировал скорость и вновь окунулся в водоворот мыслей. Дядя Эрл до последнего своего дня с упрямым оптимизмом полагал, что только женитьба спасет его племянника. А потом он скоропостижно скончался от обширного инфаркта. Когда же на раздел имущества, подобно стае стервятников на запах крови, слетелись правоведа, Ник понадеялся, что формальности уладятся очень быстро. Его сестра Мэгги давно и ясно дала понять, что бизнесом заниматься не собирается, а других родственников у дяди не было. Словом, впервые в жизни Ник поверил в удачу. Наконец-то у

него появится хоть что-то свое...

Так он думал, пока не огласили завещание. И тогда Ник понял, что судьба посмеялась над ним: он унаследует бо`льшую часть акций «Дримскейп», только если женится. Супругу он волен выбрать по своему вкусу, но брак должен продлиться не менее года. Возможно также заключение добрачного контракта. Если же Ник не выполнит дядино условие, ему достанется пятьдесят один процент от общей доли. Остальное поделят между собой члены правления, и Ник станет среди них лишь номинальным главой. Тогда вместо проектирования зданий он погрязнет в заседаниях и корпоративной политике – как раз в том, что он особенно люто ненавидел.

И дядя Эрл прекрасно это знал.

Короче, Нику нужно было подыскать жену.

Он щелкнул переключателем и выровнял наклон дорожки. Ник постепенно замедлил шаг, успокаивая дыхание. Его мысль с методическим упорством штурмовала психологический вакуум, высматривая пути решения. Ник сошел с дорожки, взял из мини-бара холодную бутылку «Эвиана» и вернулся в кресло. С наслаждением глотнув ледяной прозрачной воды, он поставил запотевшую бутылку на стол и посидел несколько минут, собираясь с мыслями. Затем взял ручку с золотым пером, повертел ее в пальцах и с нажимом написал:

Найти жену.

Эти два слова – словно гвозди в крышку его гроба.

Хватит тратить время на пустые сетования по поводу несправедливости. Ник решил, что надо составить список качеств, которыми должна обладать его будущая супруга, и поразмыслить, есть ли у него на примете подходящие кандидатуры.

В его воображении тотчас же возникла Габриэлла, но усилием воли он отогнал мысль о ней. Его нынешняя подружка, потрясающая супермодель, как нельзя лучше подходила для светских мероприятий и была образцовой любовницей, но на роль жены никак не годилась. С Габриэлкой, большой интеллектуалкой и интересной собеседницей, Нику никогда не бывало скучно, но он начинал опасаться, что она успела в него влюбиться. Она уже намекала ему о своем желании иметь детей, что исключало для него пресловутую сделку. И не важно, как он будет объяснять ей основные условия их будущего брака, – эмоции в конечном итоге все равно возьмут верх и сведут к нулю все его старания. Габриэлла, как и любая на ее месте, рано или поздно превратится в ревнивицу с запросами. Стоит ей ощутить себя обманутой – и никакой добрачный контракт не вынесет натиска ее алчности.

Ник снова отпил из бутылки и принялся обводить большим пальцем ее горлышко. Где-то он вычитал, что если составить список всех тех качеств, которые тебя восхищают в женщине, то вскоре встретишься с их обладательницей. В его голове промелькнула какая-то мысль, и Ник нахмурился: он почти не сомневался, что подобная теория имеет отношение к понятию мироздания. Космос посылает тебе то, что ты у него просишь. В общем, метафизическая чушь, в которую Ник все равно не верил.

Впрочем, сегодня от безысходности он готов был рискнуть и начал набрасывать строчку за строчкой.

Женщина, которая меня не любит.

Женщина, к которой меня не влечет.

Женщина, у которой мало родни.

Женщина, которая не держит животных.

Женщина, которая не хочет иметь детей.

Женщина, которая настроена делать карьеру.

Женщина, которая отнесется к браку как к деловому предложению.

Женщина, которая не слишком чувствительна и импульсивна.

Женщина, которой я смогу доверять.

Ник перечитал то, что у него получилось, и увидел, что некоторые из его пожеланий донельзя самонадеянны. Но если космическая теория не выдумка, он может включить в свой список вообще все, что угодно. Ему нужна женщина, которая расценит его предложение как свой бизнес-шанс. Возможно, такая, которой срочно нужны деньги. Ник готов был предоставить и прочие бонусы, но их брак должен остаться строго фиктивным. Отсутствие секса исключает ревность. Бесстрастная женщина не вызовет к себе влюбленности. А без неразберихи в чувствах брак сам собой становится идеальным.

Ник перебрал всех своих давних и недавних подружек, всех даже мимолетных приятельниц, всех деловых партнерш, с которыми ему доводилось хотя бы раз сходить в ресторан. Но в результате остался ни с чем.

Он чувствовал, что нервы у него на пределе. Выходило, что в свои тридцать лет, при незаурядном уме, известной привлекательности и прочном материальном положении, он не знает ни одной подходящей женщины, на ком мог бы жениться. А на поиски избранницы ему оставалась всего неделя.

Зазвонил мобильник.

– Райан, – ответил Ник.

– Ник, это я, Мэгги. – Молчание. – Ты уже нашел себе жену?

Его губы скривились в усмешке: кроме сестры, не было в мире другой особы, которая постоянно заставляла бы его потешаться – пусть даже над самим собой.

– Я как раз над этим работаю...

– Кажется, я нашла ее.

У него вдруг заколотилось сердце.

– Кого?

Мэгги ответила не сразу.

– Тебе надо ознакомиться с ее условиями, но думаю, что они вполне преодолимы. Просто отнесись к ним без предубеждения, хотя в этом, я-то знаю, ты как раз не силен. Зато она человек надежный.

Ник взглянул на последний пункт в своем списке. В его ушах появился странный звон, словно предвосхищая оглашение кандидатуры.

– Кто же это, Мэггс?

– Алекса, – после паузы выдала та.

Ошеломление от знакомого, выплывшего из прошлого имени на миг словно окутало его туманом, посреди которого, как яркая неоновая вспышка, пульсировала одна только мысль-мантра: «Вот уж фиг!»

Ник осмотрел свой конференц-зал и остался доволен результатом. В помещении царила деловая атмосфера, но букетик цветов, поставленный секретаршей в центр полированного стола, придал роскошному блеску вишневого дерева, лоску кожаных кресел и пушистому ковровому покрытию нотку интимности. На столе были аккуратно разложены документы по контракту, а также выставлен изысканный серебряный поднос с чаем, кофе и разнообразной выпечкой. Официально, но с дружеским налетом. Вполне в духе их будущего брачного союза.

От предстоящей встречи с Александрией Марией Маккензи у Ника все внутри тревожно сжималось, но он старательно подавлял в себе это ощущение. Он гадал, какой она теперь стала. По рассказам Мэгги Ник составил о ней представление как об импульсивной и легкомысленной особе, а потому сначала отверг предложение сестры: Алекса никак не соответствовала тому образу, который он для себя наметил. Он упорно отказывался думать о ней иначе, как помнил еще девчонкой – крайне независимым существом с длинным хвостом. Как бы то ни было, Алекса владела вполне приличным книжным магазином. Ник не видел ее несколько лет и до сих пор воспринимал только как подругу Мэгги.

Между тем момент их встречи близился.

Их связывало давнее и прочное знакомство, и Ник чувствовал: Алексе можно доверять. Возможно, в его понимании она являлась далеко не лучшей кандидатурой в супруги, зато ей нужны были деньги. Срочно. О причине Мэгги умолчала, но описала ситуацию как безвыходную. Алексе требовались наличные, которые он с легкостью мог ей предоставить – все черным по белому, никаких полутонов. Никаких аллюзий на возможную близость между ними. Обычное деловое соглашение между давними приятелями. Такое Ник еще готов был стерпеть.

Он потянулся к интеркому, чтобы связаться с секретаршей, но в этот момент тяжелая дверь плавно приотворилась и со щелчком захлопнулась. Ник обернулся.

Встретив немного обеспокоенный, но ясный взгляд ее пронзительно-синих глаз, он сразу понял, что эта женщина никогда не сможет выиграть в покер: для этого она слишком порядочна и неспособна к блефу. Этот взгляд он узнал сразу, хотя цвет глаз с возрастом поменялся: превратился в волнующее сочетание аквамарина с сапфиром. В его воображении зародились образы: погружение в карибские глубины в поисках тайн, зонтичный купол небес Синатры, раскинувшийся во весь горизонт.

Эти поразительные глаза оттеняли иссиня-черные волосы. Копной непокорных крутых кудрей они обрамляли лицо и ниспадали на плечи. Высокие скулы подчеркивали полноту губ. Когда-то Ник дразнил Алексу, спрашивая, не укусила ли ее пчела, и неизменно раздражался хохотом. Зря он тогда подшучивал над ней: такие губы – заветная мечта любого мужчины, и пчелы тут ни при чем. Только мед, и желательно теплый, текучий. Хорошо бы смазать им этот рот и потом медленно слизывать.

Ах, черт!

Ник, не отрывая от гостыи взгляда, одернул себя. Он вспомнил, сколько издевок ей пришлось от него вытерпеть, когда однажды он обнаружил, что она носит бюстгальтер. Алекса рано созрела, и он своим открытием страшно обескуражил ее. Тогда Ник с удовольствием глумился над ней. Теперь у него не возникало такого желания. Ее пышный бюст ничем не уступал чувственным губам и гармонировал с изгибом бедер. Алекса была

высокой, почти с него ростом, и эта воплощенная коллекция женских прелестей явилась к нему в ярко-алом платье до пят, настолько открытом, что угадывалась ложбинка между грудей. Из блестящих красных босоножек выглядывали пальчики с карминными ноготками.

Алекса стояла на пороге и не двигалась, словно давая ему возможность рассмотреть себя во всех подробностях. Ник постарался скрыть свое потрясение ее видом, надеясь, что профессиональная привычка к самообладанию не выдала его. Что ж, Александрия Мария Маккензи вполне созрела. И даже чересчур, по его мнению. Впрочем, сообщать ей об этом вовсе не обязательно.

Он улыбнулся ей так же нейтрально, как улыбался всем деловым партнерам:

– Здравствуй, Алекса. Давненько не виделись.

Она улыбнулась в ответ, но ее глаза остались холодными. Она направилась к нему, незаметно сжав руки в кулаки:

– Здравствуй, Ник. Как поживаешь?

– Неплохо. Садись, пожалуйста. Тебе кофе? Или чаю?

– Кофе, пожалуйста.

– Со сливками? С сахаром?

– Со сливками. Спасибо.

Она грациозно опустилась в мягкое крутящееся кресло, отвернулась от стола и закинула ногу на ногу. Легкий подол ее облегающего платья слегка приподнялся, приоткрывая гладкие тренированные икры.

Ник сделал вид, что занят приготовлением кофе.

– «Наполеон»? Яблочный пирог? Их только что принесли из соседней кондитерской.

– Спасибо, не надо.

– Точно?

– Да. Мне никогда не удастся ограничиться одним куском. Поэтому я научилась не поддаваться соблазну.

Слово «соблазн», произнесенное низким бархатистым голосом, приятно ласкало слух. В брюках возникло стеснение, и Ник понял, что ее голос способен ласкать и прочие части тела. Вконец смущенный такой реакцией своего организма на женщину, с которой он не планировал физической близости, Ник всецело сосредоточился на кофе, а затем сел к столу наискось от нее.

Некоторое время они разглядывали друг друга. Молчание затянулось. Алекса потерев тонкий золотой браслет на запястье и сказала:

– Соболезную по поводу кончины дяди Эрла.

– Спасибо. Мэгги уже посвятила тебя во все подробности?

– По-моему, это сущий бред.

– Вот-вот. Дядя Эрл боготворил семью и очень боялся перед смертью, что я никогда ею не обзаведусь. А потому решил, что не помешает для моего же блага дать мне хорошего пинка.

– А ты сам разве против семьи?

– Брак – бессмысленная затея, – пожал плечами Ник. – И «вместе навеки» – просто красивая сказочка. Ни рыцарей на белых конях, ни моногамии в природе не существует.

От удивления Алекса даже отпрянула:

– Ты считаешь, что обязательства по отношению к другому человеку излишни?

– Эти обязательства – мыльный пузырь. Конечно, когда люди клянутся друг другу в

любви и преданности, они говорят вполне искренне, но время разрушает все хорошее, и в результате остаются одни недостатки. Ты сама-то знаешь хоть одну счастливую семейную пару?

Алекса хотела возразить, но потом передумала.

– Кроме моих родителей? Наверное, больше никого... Но это вовсе не значит, что на свете нет счастливых семей!

– Может, и есть, – нехотя согласился Ник, хотя его тон свидетельствовал об обратном.

– Мы, как я полагаю, во многом с тобой не сходимся, – произнесла Алекса, поерзав в кресле и переменив положение ног. – Чтобы понять, получится ли у нас что-нибудь, нам нужно пообщаться подольше.

– На это у нас нет времени: бракосочетание должно состояться не позже следующих выходных. А потому не имеет значения, поладим мы с тобой или нет. Мы заключаем с тобой сугубо формальную сделку.

– Ты, как я вижу, все тот же самовлюбленный грубиян, который дразнил меня из-за размера груди, – прищурилась Алекса. – Не все в мире меняется.

Ник с нарочитым вниманием посмотрел на ее декольте:

– Ты, кажется, права. Кое-что остается прежним. А кое-что разбухает.

Алекса едва не ахнула, но, к удивлению Ника, тут же улыбнулась:

– А кое-что совсем не растет!

Ее многозначительный взгляд был устремлен прямо на его ширинку. Ник чуть не поперхнулся кофе, но, сделав над собой усилие, со спокойным достоинством поставил чашку на блюдце. Его вдруг бросило в жар. Он вспомнил тот давний случай в бассейне, когда они оба были еще подростками. Пока он безжалостно высмеивал Алексу за изменения, происходившие с ее телом, Мэгги неожиданно подкралась к нему сзади и потянула вниз его плавки. Сделавшись всеобщей мишенью для нескромных взглядов, Ник гордо удалился и позже всегда давал понять, что ничуть не обиделся. Но тот эпизод навсегда остался для него одним из самых постыдных воспоминаний.

Ник указал на лежащие на столе бумаги:

– Мэгги говорила, что тебе требуется некоторая сумма денег. Я пока не включал ее в договор. Это можно вместе обсудить.

Алекса странно взглянула на него. Ее лицо вдруг словно застыло, но тут же снова приняло обычное выражение.

– Это и есть наш договор?

– Думаю, тебе надо сначала показать его своему адвокату, – кивнув, ответил Ник.

– Не обязательно. У меня приятель – юрист, и он меня здорово поднатаскал, пока я помогала ему готовиться к диплому. Можно взглянуть?

По полированному столу Ник пододвинул к ней документы. Алекса достала из сумочки миниатюрные очки для чтения в черной оправе и, надев их, принялась изучать условия договора. Ник же использовал возникшую паузу для дальнейшего изучения своей избранницы. Ему не давала покоя ее несомненная привлекательность, хотя Алекса была явно не в его вкусе. Слишком фигуристая, излишне откровенная, чересчур... натуральная. Ему очень хотелось наперед обезопасить себя от эмоциональных взрывов, если вдруг им случится повздорить. Гэбби, даже крайне расстроенная, всегда вела себя сдержанно. Прямота Алексы его просто устрашала. Внутренний голос нашептывал Нику, что с ней будет не так-то просто договориться. Она открыто высказывала свое мнение и выражала свои чувства с

обескураживающей непосредственностью. А подобное поведение подразумевало скрытую угрозу, неразбериху и разрушение – то, к чему Ник меньше всего стремился в семейной жизни.

И все же...

Ей он доверял. В синих глазах Алексы читалась бесспорная решимость и добросовестность. Такая не бросает слов на ветер. А через год, как подсказывала Нику интуиция, уйдет, даже не оглянувшись, и никакими деньгами ее не остановишь. Так что чаша весов перевешивалась в ее сторону.

Ее пальчик с темно-красным ноготком меж тем упорно барабанил по нижнему краю страницы. Алекса оторвала взгляд от текста, и Ник не мог взять в толк, почему ее щеки, до сих пор цветущие здоровым румянцем, вдруг так побледнели.

– Ты приложил список требований? – обличительным тоном спросила она.

Ник почувствовал себя так, словно его обвиняют не в формулировании качеств и обязанностей супруги, а в каком-то крупном преступлении. Откашлявшись, он пояснил:

– Просто несколько пожеланий моей будущей жене.

Алекса приоткрыла рот, но так ничего и не произнесла, словно не зная, в каких выражениях ему лучше возразить.

– Тебе нужна хозяйка, сирота и робот в одном лице? Разве это справедливо?

– Не преувеличивай, – вздохнул Ник. – Если я ищу в жены тактичную и деловую особу, это вовсе не означает, что я чудовище.

– Тебе нужна бесполоая степфордская^[5] жена, вот кто! Ты хоть что-нибудь новенькое узнал о женщинах с четырнадцатилетнего возраста?

– Узнал, и достаточно. Вот почему дядя Эрл так решительно подтолкнул меня к институту, который в первую очередь благоволит к женщинам.

Алекса даже ахнула от возмущения:

– Но мужчины получают от брака массу выгод!

– Каких же?

– Стабильный секс и общение.

– Через полгода у обоих уже болит голова и они друг другу надоедают до слез.

– Человека, с которым стареешь бок о бок...

– Но мужчины не согласны стареть! Вот почему они постоянно ищут молоденьких подружек.

Алекса уставилась на него, открыв рот, но тут же продолжила:

– Детей, семейный очаг, спутницу, которая любит тебя в болезни и здравии...

– ...и которая напропалую тратит твои деньги, изводит тебя придирками, что ни вечер, и вечно брюзжит на устроенный тобой беспорядок.

– Ты больной!

– А ты утопистка!

Алекса решительно потрясла головой, и ее шелковистые черные кудри взметнулись вокруг лица и медленно опали. На ее щеки вернулся прежний румянец.

– Боже, как все же подгадали тебе твои родители, – пробормотала она.

– Благодарю, доктор Фрейд.

– Что, если я не смогу соответствовать всем твоим требованиям?

– Мы будем над этим работать.

Алекса снова прищурилась, прикусив губу, и Нику почему-то вспомнился их первый

поцелуй. Тогда ему было шестнадцать... Он вспомнил, как приник губами к ее губам, как затрепетала она в ответ на его прикосновение. Он нежно поглаживал пальцами ее голые плечи, а ноздри ему щекотал свежий и чистый аромат лесных цветов и мыла. А потом ее невинное лицо засияло первозданной красотой, и на нем отразилось ожидание финальной части – признания в вечной любви.

Она улыбнулась и доверилась ему в своих чувствах. Сказала, что хочет за него замуж. Нику следовало тогда погладить ее по голове, как-нибудь утешить и идти дальше по жизни своим путем. Но ее невинное заявление не только не польстило ему – наоборот, до смерти напугало. В свои шестнадцать Ник уже знал, что между мужчинами и женщинами не бывает прекрасных отношений. Рано или поздно на смену красоте приходит уродство. И он расхохотался, обозвал Алексу малявкой и оставил одну посреди леса. Ее беспомощное, обиженное лицо надрывало ему сердце, но Ник не позволил себя разжалобить. Чем раньше она узнает правду, тем лучше для нее.

Он не сомневался, что оба они в тот день получили горький жизненный урок. Ник стряхнул с себя нежелательное воспоминание и перенесся в настоящее.

– Почему бы тебе не поделиться со мной, что ты сама ждешь от этого брака?

– Сто пятьдесят тысяч долларов. Наличными. Авансом, а не в конце года.

Заинтригованный, Ник чуть подался вперед:

– Чертова куча денег! Проигралась и влезла в долги?

Между ними словно выросла невидимая стена.

– Нет.

– Ты шопоголик?

В ее глазах вспыхнуло раздражение.

– Не твое дело. По условиям нашего договора ты не должен спрашивать, зачем мне деньги и куда я собираюсь их потратить.

– Хм... Еще вопросы?

– Где мы будем жить?

– У меня.

– От своей квартиры я не откажусь. Буду снимать, как прежде.

Этого Ник не ожидал и удивился:

– Моя жена должна прилично одеваться. Я выделю тебе деньги на расходы и приставлю к тебе своего личного консультанта по покупкам.

– Я буду носить то, что хочу и где хочу, и сама покупать все, что мне заблагорассудится!

Ник едва удержался от улыбки. Его умиляло сочетание темпераментов – впрямь как в добрые старые времена.

– Ты должна будешь играть в моем доме роль хозяйки. На карту поставлен серьезный бизнес, поэтому тебе придется потрафить женам моих деловых партнеров.

– Я как-нибудь постараюсь не ставить локти на стол и, так и быть, посмеюсь над их глупыми шутками. Но я не собираюсь бросать свой магазин и буду по-прежнему общаться со своими друзьями.

– Разумеется. Я и не рассчитывал, что ты станешь менять свой прежний образ жизни.

– Если, конечно, он не пойдет вразрез с твоим?

– Вот именно.

Алекса, постукивая ногтем по столу, принялась вдобавок притопывать ногой.

– Кое-что меня все-таки не устраивает в этом списке...

– Я человек покладистый.

– Я очень люблю своих близких и должна объяснить им, почему так скоропалительно выхожу замуж.

– Просто скажи им, что мы не виделись несколько лет и вот случайно встретились, а теперь решили пожениться.

Алекса патетически закатила глаза:

– Они же ничего не знают о нашей сделке! Нужно их убедить, что мы влюблены друг в друга по уши. Ты должен прийти к нам на ужин, и там мы объявим о своем решении. Да так, чтобы они поверили!

Ник вспомнил, что отец Алексы одно время сильно выпивал и даже уходил из семьи.

– Ты общаешься с отцом?

– Да.

– А раньше ты его ненавидела.

– Но он давно осознал свои ошибки. Я нашла в себе силы простить его. С родителями живет мой брат с невесткой, их дочка и мои сестренки-близняшки. Они все засыпят нас тысячей вопросов. В общем, ты не должен вызвать подозрений.

– Сколько лишних осложнений! – нахмурился Ник.

– Ничего не попишешь, таково мое условие.

Ник счел, что не помешает дать ей хоть крохотный повод для триумфа.

– Хорошо. Еще что-нибудь?

– Да. Я хочу настоящую свадьбу.

– Я планировал скромную регистрацию, – недовольно заявил Ник.

– А я планировала в белом платье выехать куда-нибудь на природу, пригласить всю свою семью, и чтобы Мэгги была подружкой невесты!

– Я не любитель свадеб.

– Ты уже говорил. Но моя родня не поймет, если я тайком распишусь с тобой. Свадьба нужна в первую очередь им!

– Алекса, я беру тебя в жены ради интересов бизнеса. А вовсе не ради твоей родни.

Она вздернула подбородок. Ник на всякий случай запомнил этот ее жест, похожий на сигнал к атаке.

– Поверь, мне тоже не очень-то улыбается играть перед всеми какую-то роль, но раз уж мы взялись, надо сыграть ее добросовестно.

– Ладно, – стиснув зубы, все же кивнул Ник. – Что еще?

В его голосе сквозил неприкрытый сарказм. Алекса, явно нервничая, метнула на него нерешительный взгляд, встала и начала расхаживать по залу. Ник поневоле уставился на ее обалденный зад, вмиг ощутив неприятное напряжение в брюках. Зрелище прогнало из головы все разумные доводы и резоны: «Немедленно брось эту затею и беги отсюда подальше! Эта женщина превратит твою жизнь в хаос, она все перевернет вверх тормашками, и ты забудешь про скуку в собственном доме!»

Ник поборол необоснованный приступ страха и стал терпеливо дожидаться, что она придумает на этот раз.

Ах, черт возьми!

Ну почему, почему он такой потрясный?

Меряя шагами конференц-зал, Алекса украдкой взглянула на Ника. Ей захотелось неприлично выругаться, но она сдержалась. В отрочестве она тоже глумилась над ним и обзывала Красавчиком – за золотистые волосы. Теперь юношеские патлы сменила стандартная короткая стрижка, но на лоб упрямо свисали несколько мятежных завитков. Их цвет с тех пор потемнел, но они по-прежнему напоминали Алексе хлопья «Чекс» – липовый мед с пшеницей. Черты его лица теперь отвердели, подбородок казался чеканным. Вежливая улыбка обнажала ослепительно-белые зубы. Глаза остались темно-карими, и в них угадывались некие тайны, надежно запечатые за семью печатями. А тело!..

Ник и раньше не мог долго усидеть на месте. Сейчас он непринужденно прохаживался перед ней, и превосходно сшитые серые брюки то собирались складками, то разглаживались, подчеркивая мускулистость его длинных ног и крепких ягодиц. Рыжевато-коричневый джемпер с V-образным вырезом вполне годился и для рабочего дня, и для деловой встречи в воскресенье.

Но некоторые части его тела явно неуместно смотрелись в этом офисе. Сильные жилистые руки. Широкие плечи и атлетическая грудь под рубашкой. Бронзовый загар, словно Ник долгое время проводил на солнце. Звериная грация движений. Ник Райан возмужал, и он больше не был тем прежним Красавчиком. Он превратился в стопроцентного мачо, но на нее он по-прежнему глядел как на малолетнюю подружку сестры. В его взгляде она не встретила ни признания, ни одобрения – лишь учтивое дружелюбие, какое выказывают стародавней знакомой.

Что ж, да она лучше застрелится, чем даст ему почувствовать, что находит его привлекательным! И характер у него все такой же дрянной! Зануда с большой буквы «З»! Тупица с большой буквы «Т»! Весь он – один большой!..

Эту мысль Алекса поспешно прогнала прочь. Ее нервировало само его присутствие, потому что при нем она смущалась и начинала терять почву под ногами. Всего неделю назад она ворожила на любовь, и Мать-Земля услышала ее мольбу. Теперь она получит необходимые ей деньги и сможет спасти семейное гнездо. Но список-то ее полетел ко всем чертям! Мужчина, стоявший перед ней, перечеркивал собой все, что было ей дорого. Нет, для него это не более чем сделка, откровенная и элементарная, а потому совершенно бездушная. Извлекая из тайников памяти их первый поцелуй, Алекса не сомневалась, что у Ника тот случай давным-давно вылетел из головы. Ее просто коржило от унижения – ни за что на свете... Неужели Мать-Земля не уступит ей хотя бы первый пункт в списке? Алекса с трудом перевела дух и сказала:

– И еще одно...

– Да?

– Ты смотришь бейсбол?

– Естественно.

У нее внутри все напряглось.

– И у тебя есть любимая команда?

– В Нью-Йорке только одна команда, – как-то особенно глумливо ухмыльнулся Ник.

Алекса поборола приступ дурноты и отважно спросила:

– Какая же?

– «Янки», конечно. Только они и выигрывают. Это единственная стоящая команда.

Она начала дышать животом, как ее учили на занятиях по йоге. Сможет ли она выйти замуж за болельщика «Янки»? Неужели она способна отказаться от своих морально-этических принципов? И удастся ли ей ужиться с человеком, сделавшим себе из логики кумира и включившим моногамию в разряд женских штучек?

– Алекса, что с тобой?

Она жестом попросила на минуту оставить ее в покое и снова начала расхаживать взад-вперед, тщетно пытаясь найти ответы на свои вопросы. Если она сейчас уйдет, то у мамы не останется другого выхода, как продать дом. Да она потом будет мучиться угрызениями совести, потому что оказалась столь эгоистичной и не пожертвовала собой ради родных! И разве у нее есть выбор?

– Алекса!

Она резко обернулась. На лице Ника отражалось нетерпение. Невзирая на его внешнюю чувственность, он остался все тем же долбаным занудой, каким был в отрочестве. Он наверняка расписывал свой день по минутам и, похоже, не вполне понимал смысл слова «спонтанность». Разве она выдержит с ним целый год под одной крышей? И не растерзают ли они друг друга раньше, чем истекут положенные триста шестьдесят пять дней? Что, если «Янки» в этом сезоне выиграют чемпионат страны? Ей придется терпеть его противную заносчивость и снисходительные ухмылки. О господи!..

Ник скрестил на груди руки и сказал:

– Можешь не объяснять. Ты болееешь за «Метсов».

Его тон покоробил Алексу.

– Я отказываюсь обсуждать с тобой бейсбол. И не смей при мне надевать шмотки с символикой «Янки». А без меня можешь рядиться во что тебе угодно. Понятно?

Повисло неловкое молчание. Алекса робко покосилась в его сторону. Ник глядел на нее так, словно у нее на голове вместо волос появились змеи, как у горгоны Медузы.

– Ты шутишь?

– Нет! – самодовольно покачала головой Алекса.

– Мне что, и бейсболку «Янки» носить нельзя?

– Вот именно.

– Ты чокнутая.

– От такого же слышу.

А потом она увидела нечто невероятное – сродни давнишнему происшествию, когда соседский хулиган свалился с велика и вдруг разревелся, как девчонка.

Ник Райан рассмеялся – не скривил губы в ухмылке, не просто развеселился, а неудержимо расхохотался во всю мощь своей плотки. Его радостный смех загремел на весь конференц-зал, и Алекса сама с трудом удержалась от улыбки, ведь потешался-то Ник над ней. Черт возьми, какой же он душка, когда снисходит со своих вершин...

Наконец Ник успокоился, видимо успев за это время обдумать ситуацию и принять решение.

– Я не буду носить символы «Янки», но то же самое касается и тебя. Никаких штучек-дрючек с «Метсами». Не желаю видеть в своем доме ни кофейных кружек с их эмблемой, ни даже брелка для ключей. Ясно?

Алекса почувствовала, как в ней закипает раздражение: ее требования вдруг обратились против нее самой.

– Я не согласна. Моя команда не выигрывала чемпионат страны с восьмидесят шестого

года, поэтому я имею право их поддерживать. А твоей и так хватает славы. Больше просто некуда!

– Тонкий ход, – скривил рот Ник, – только я не чета тем метросексуалам, к которым ты бегаешь на свидания. Нет «Янки», нет и «Метсам» – выбирай!

– Я с метросексуалами не встречаюсь!

– Воля твоя, – пожал плечами Ник.

Алекса неловко переступила с ноги на ногу, и от злости руки сами собой сжались в кулаки. Смотри-ка, какой поборник справедливости! Только почему при всей его привлекательности на ум приходит мысль об отравленном яблочке, которое поднесли Белоснежке?

– Ну что? Подумаешь об этом завтра, или как там говорят женщины, когда не могут ни на что решиться?

Алекса с нажимом закусила губу и нехотя произнесла:

– Договорились. Твоя взяла.

– Это все?

– Думаю, да.

– Но не совсем... – Ник замолчал, словно собираясь с духом, прежде чем коснуться довольно деликатной темы.

Алекса дала себе зарок, что не потеряет самообладания вне зависимости от того, что он скажет. Не известно еще, кто одержит верх. Уж она-то и глазом не моргнет, как бы он над ней не изгалялся. Алекса незаметно выдохнула, снова опустилась в кресло, взяла чашечку с кофе и сдержанно отхлебнула.

Ник сложил пальцы домиком и шумно вздохнул:

– Я должен поговорить с тобой о сексе.

– О сексе?

Слово, похожее на пистолетный выстрел, произвольно сорвалось с ее губ. Алекса моргнула, но взяла себя в руки и не показала, как это ее огорошило.

Теперь пришел черед Ника вскакивать со стула. Он заходил перед ней по роскошному бордовому ковру.

– Видишь ли, нам необходимо быть крайне осторожными в отношении наших внебрачных связей.

– Осторожными?

– Да. Среди моих клиентов есть очень влиятельные люди, и мне необходимо поддерживать свое реноме. Тем более что и дядино завещание будут аннулировано, если только появится подозрение, что брак у нас фиктивный. Я предлагаю тебе в течение года вообще воздержаться от секса. Как думаешь, сможешь?

– Тут и думать нечего.

Он притворно хохотнул, и Алексе показалось, что его лоб блестит от пота. Или это просто игра света? Ник перестал расхаживать и посмотрел на нее почти с опаской. И вдруг до Алексы дошло истинное значение его просьбы. Она молнией сверкнула в сознании и разом воспламенила ей мозг. Ник желал превратить ее в идеальную жену, ухитряясь при этом блюсти целомудрие их брачного ложа!

Однако он ни словом не обмолвился о собственном воздержании! Мэгги выложила подруге все подробности по поводу Габриэллы, и Алекса знала, что у Ника есть постоянная партнерша. Не понимала она только, почему же он не берет в жены свою девушку, но не

собиралась судить, что у них за отношения. Сейчас ее больше волновал неприкрытый шовинизм этого самовлюбленного самца. Алексу так и подмывало немедленно отменить все дальнейшие переговоры.

Впрочем...

Алексу трясло от гнева, но ее лицо осталось безмятежным. Ник Райан решил заключить с ней сделку. Отлично! Ведь если она сейчас хлопнет дверью, судьба бедного Ники будет решена окончательно и бесповоротно.

– Понимаю, – улыбнулась Алекса.

От облегчения он чуть ли не просиял:

– Правда?

– Разумеется. Ведь если брак должен выглядеть настоящим, то хороша будет жена, о которой поползут сплетни сразу после свадьбы.

– Вот именно.

– И тогда тебе придется выслушивать унижительные намеки на твою несостоятельность. Если жена спит с кем попало, проблема всем ясна: значит, она недополучает этого дома.

Ник поежился и нехотя кивнул:

– Наверное, да.

– Так как же быть с Габриэллой?

Ник от изумления даже отступил:

– Откуда ты о ней знаешь?

– От Мэгги.

– О Габриэлле не волнуйся. Я все устрою как надо.

– Ты с ней спишь?

Он покривился, но тут же сделал вид, что ничуть не уязвлен ее любопытством.

– Это имеет значение?

Алекса вскинула руки в миролюбивом жесте:

– Я только хочу прояснить вопрос секса. По крайней мере, я согласилась уступить по первому и второму пунктам. Сама я тебя нисколечко не люблю, и мы друг к другу равнодушны. Ты заявляешь, что, если мне вдруг захочется с кем-нибудь заняться сексом, я не должна потакать своим прихотям. Каковы же условия для тебя?

Алекса поиграла губами, с удовольствием предвкушая, как бедняга будет выбираться из свежерытой для нее могилы.

* * *

Ник глядел на эту женщину, чувствуя, как у него пересыхает во рту. Ее бархатистый голос будил в нем пикантные фантазии о ее обнаженном теле, вожделеющем... секса. Едва удержавшись от неприличного слова, Ник потянулся за кофе. Надо выгадать себе немного времени... Все ее повадки просто взывали к страсти. Девичья невинность в Алексее сгорела дотла, и теперь перед ним сидела откровенная женщина с откровенными запросами. Он мог только гадать, что за мужчина удовлетворяет ее запросы. Ему нестерпимо хотелось взвесить в ладонях ее груди, ощутить на языке вкус ее губ. Интересно, что у нее надето под этим обтягивающим платьем...

– Ник?

– Мм?..

– Ты слышал меня?

– А, секс... Обещаю, что никогда не поставлю тебя в неловкое положение.

– Значит, следует понимать, что ты и дальше собираешься спать с Габриэллой?

– Мы с Габриэллой уже давно встречаемся...

– Но ты почему-то на ней не женишься!

В воздухе сгустилось напряжение. Ник отступил на пару шагов – ему вдруг стало некомфортно стоять к ней слишком близко.

– У нас с Габриэллой другого рода отношения...

– Хм, любопытно! То есть ты хочешь сказать, что я не смогу трахаться направо и налево только потому, что у меня нет постоянного партнера?

Если бы где-нибудь поблизости нашлись кубики льда, Ник с удовольствием пососал бы их – высосал бы все до единого. От обвинения Алексы его почему-то бросило в жар. Она говорила мягким спокойным голосом, непринужденно и, кажется, вполне искренне улыбалась ему, но Ник чувствовал, что вот-вот попадетя в силки, которые так искусно расставляют женщины. Он явно ступил на зыбкую почву и теперь бросился укреплять позиции.

– Если бы у тебя уже имелся постоянный партнер, мы еще могли бы как-то обсудить ситуацию. Но встречаться с незнакомцами – слишком большой риск. И я гарантирую тебе, что Габриэлла умеет хранить тайны.

Алекса вновь улыбнулась очаровательной женственной улыбкой, обещающей наслаждения, выходящие за грань воображения и предназначенные лишь ему одному. Сердце Ника на миг остановилось. Заинтригованный, он с нетерпением ожидал ее ответа.

– Как бы не так, малыш!

Он не сразу взял в толк, как такие чувственные губы могут произнести отказ.

– Извини – что?

– Никакого секса для меня, но и для тебя тоже! И мне плевать, Габриэлла это будет, стриптизерша или любовь всей твоей гребаной жизни! Если мне нельзя развлекаться, то и тебе запрещается! Придется и тебе потерпеть наш благопристойный бизнес-брак и ловить кайф от проектирования зданий. – Она помолчала. – Понятно?

Ник понял ее. И решил не уступать. Он сообразил, что это та же игра, сет или матч, и ему непременно надо в ней выиграть. Своей улыбкой он выразил сочувствие и понимание того, насколько ей нужны деньги.

– Алекса, я согласен, что условия, возможно, не совсем справедливы. Но мужчины устроены иначе. Габриэлле, как и мне, очень важно поддерживать репутацию, поэтому ты никогда не окажешься в двусмысленной ситуации. Понимаешь меня?

– Да.

– Значит, ты согласна на мои условия?

– Нет.

Он ощутил приступ раздражения и, сощурившись, пристально посмотрел на нее и решил говорить без обиняков:

– Но ведь мы смогли согласиться по остальным пунктам. Пошли кое в чем на компромисс. Надо выдержать всего год, а потом ты можешь идти на все четыре стороны и устроить себе потрясающую оргию. И я слова не скажу!

В ее синих глазах-льдинках отразилось немыслимое упрямство и несгибаемая

решимость.

– Если ты собираешься устраивать оргии, то и я буду их устраивать. Если ты воздержишься от секса, то и я воздержусь. И мне плевать на всякую хрень, будто мужчины и женщины по-разному устроены! Если мне суждено триста шестьдесят пять дней ложиться одной в постель, такая же участь ожидает и тебя! А если тебе сильно приспичит, то придется обращаться к собственной женошке! – Алекса запрокинула голову – точь-в-точь скакун перед барьером. – А раз нас с тобой друг к другу не влечет, придется тебе изыскивать другие способы для разрядки. Напряги фантазию! У безбрачия масса отдушин. – Она улыбнулась. – Ведь другого выхода у тебя все равно не остается.

Она, по-видимому, не подозревала, что Ник – заправский игрок в покер. В последние несколько лет он только и делал, что «выпускал пары» за картежным столом. Ночь незаметно переходила в день, и он вставал из-за карт, разбогатев на несколько тысяч. Покер, как и застарелая привычка к курению, неизменно притягивал его, и Ник предавался пороку скорее из удовольствия, нежели ради выгоды. Нет, он не позволит ей одержать верх. Предчувствие подсказывало ему, что победа уже близка.

И Ник нанес решающий удар:

– Ты решила запросить чрезмерную цену? Прекрасно. Сделка отменяется. Можешь попрощаться со своими денежками. А я пока решу, кого мне пригласить на твое место.

Алекса выскользнула из кресла, закинула на плечо сумку и встала прямо перед ним:

– Рада была снова повидаться с тобой, Красавчик.

Прямое попадание. Он не знал наверняка, догадывается ли она, как выводит его из себя детское прозвище. Ему отчаянно хотелось схватить ее и встряхнуть хорошенько, чтобы вышибить из нее эту привычку. Ник еще подростком остро реагировал на свою кличку и за годы не научился воспринимать ее спокойнее. Вот и теперь, словно в детстве, он стиснул зубы, но спрятал раздражение под добродушной усмешкой.

– Ага, и мне приятно. Заглядывай иногда. В общем, не пропадай.

– Хорошо. – Она выжидающе помолчала. – Пока.

В этот момент Ник понял, что просчитался. Он был кругом неправ. Александрия Мария Маккензи вполне способна выиграть в покер – и не потому, что мошенничает, а потому, что готова к проигрышу. И сейчас она играла в опасную игру – в «цыпленка»^[6].

Алекса повернулась и пошла к двери. Взялась за ручку. И...

– Ладно!

Согласие слетело с его языка прежде, чем он успел подумать. Что-то подсказывало ему, что Алекса сейчас уйдет и не перезвонит, не скажет, что передумала. К тому же она, черт ее побери, была его единственной кандидатурой. Один год жизни был ничто по сравнению с целым будущим – о таком подарке Ник раньше мог только мечтать.

Надо отдать Алексе должное: она не стала злорадствовать – обернулась и обратилась к нему сухим деловитым тоном:

– В контракте, как я понимаю, о нашем последнем уговоре ни строчки. Ты даешь мне слово, что не нарушишь условие?

– Я могу внести изменения в документ.

– Не стоит. Так ты даешь мне слово?

Вся она была полна решимости. Ник понял, что она доверяет ему в той же степени, что и он ей, и его пронзила неожиданная радость.

– Даю тебе слово.

– Тогда и я даю согласие. Ах да, а расторжение брака через год? Моя семья не переживет такого потрясения. Скажем, что столкнулись с непреодолимыми разногласиями, и притворимся, что расстаемся друзьями.

– Не возражаю.

– Вот и хорошо. Заезжай за мной завтра вечером в семь – поедem к моим и объявим им о помолвке. Всеми свадебными приготовлениями я займусь сама.

Ник кивнул. У него немного кружилась голова и от принятого решения, и от ее близости. Чем так неувовимо благоухает ее кожа? Ванилью или корицей? Как в тумане, он глядел, как Алекса кладет на полированный стол визитную карточку:

– Адрес моего книжного магазина. До завтра.

Он откашлялся, чтобы попрощаться, но было уже поздно – Алекса ушла.

Алекса ерзала на сиденье черного «БМВ». Ее будущего супруга, судя по всему, тоже безмерно тяготило повисшее между ними молчание, поскольку он начал немилосердно теревить кнопки MP3-плеера. Наконец его выбор пал на Моцарта, и Алекса незаметно поморщилась. Ник, очевидно, предпочитал музыку без слов. Она снова содрогнулась при мысли, что ей придется жить с ним под одной крышей.

В. Течение. Целого. Года.

– А у тебя есть «Блэк айд пис»?

– Это блюдо такое? – озадаченно покосился он на нее.

Алекса издала тяжкий стон:

– Я даже согласна на старую добрую классику: Синатру, Беннетта, Мартина... – (Ник промолчал.) – «Иглз»? «Битлз»? Если услышишь знакомое название, подай голос!

Его плечи заметно напряглись.

– Они мне знакомы. Может, лучше Бетховен?

– Все, забыли.

Снова воцарилось молчание, нарушаемое лишь фортепианной мелодией. Алекса понимала, что они оба нервничают, по мере того как расстояние до родительского дома все сокращалось. Нелегко им будет притворяться влюбленной парочкой, если они не в силах вынести даже двухминутного разговора. Она решила приступить с другой стороны:

– Мэгги сказала мне, что у тебя есть рыбка.

На ее замечание он ответил холодным взглядом.

– Да.

– Как ее зовут?

– Рыбка.

– Ты никак ее не назвал? – растерянно заморгала Алекса.

– Это преступление?

– Разве ты не слышал, что животные чувствуют точно так же, как и люди.

– Я не люблю животных.

– Почему? Ты их боишься?

– Еще чего!

– Помнишь, ты испугался змеи, которую мы увидели в лесу? Ты не решился подойти поближе, а потом придумал какой-то предлог и вообще ушел.

Атмосфера в машине, казалось, накалилась еще сильнее.

– Я ничуть не испугался. Просто мне было все равно. Я же сказал, что не люблю животных.

Алекса насмешливо фыркнула и снова замолчала. Еще один пункт в ее списке можно смело вычеркнуть. Мать-Земля здорово подкачала. Алекса решила пока не говорить будущему мужу о приютах для животных. Когда там появлялось слишком много обитателей, она забирала лишних бедняжек к себе домой и держала, пока для них не появлялись места. Интуиция подсказывала ей, что Ник в таком случае сразу взбеленился бы. Если только у него хватило бы духу разозлиться как следует. Ей даже стало интересно поглядеть на него в таком состоянии.

– Чему ты улыбаешься? – спросил он.

– Так, ничему. Ты помнишь все, о чем мы с тобой говорили?

– Да! – мученически вздохнул он. – Мы обсудили всех твоих родственников до мельчайших подробностей. Я помню и их имена, и всю подноготную. Ради бога, Алекса, я ведь в детстве играл в вашем доме!

– Ты приходил только ради маминого шоколадного печенья! – съязвила она. – И с удовольствием мучил свою сестру и меня! К тому же это было давно и неправда. За последние лет десять ты даже ни разу не виделся с ними. – Ей не хотелось выказывать ему обиду, но легкость, с которой Ник отмахивался от прошлого, немного уязвляла ее. – Кстати, ты никогда не заикался о собственных родителях. Ты с отцом хоть иногда видишься?

Ей казалось, что еще немного – и она получит обморожение от его ледяных манер.

– Нет.

Алекса подождала развития темы, но его не последовало.

– А как мама? Она вышла снова замуж?

– Нет. Я не желаю обсуждать своих предков. Это бессмысленно.

– Чудесно. Что мы в таком случае скажем о них моим родителям? Ведь они обязательно спросят.

– Можешь сказать им, – резко ответил он, – что мой отец ошивается где-то в Мексике, а мать укатила в неизвестном направлении со своим новым дружкой. И вообще, говори что хочешь. На свадьбу они в любом случае не приедут.

Алекса хотела что-то возразить, но свирепый взгляд Ника ясно показал ей, что вопрос исчерпан. Здорово. Как она обожает эту его разговорчивость!

Алекса указала на приближавшийся дорожный знак:

– Здесь поворот к маминому дому.

Ник вырулил на круговую подъездную аллею и заглушил мотор. Их взору предстал белый викторианский особняк, чей классический силуэт с колоннами и опоясывающей здание террасой даже снаружи излучал дружелюбие и гостеприимство. Плакучие ивы, словно стражи, обступили лужайку на склоне. Фасад дома украшали большие венецианские окна с черными ставнями. Вечер укрыл от глаз признаки запустения, вызванного финансовыми трудностями: в темноте не видно было, что белая краска на колоннах облупилась, верхняя ступенька лестницы, ведущей на террасу, прогнила, а крыша обветшала. Но при виде дома своего детства Алекса вновь благодарно вздохнула, словно нырнула под теплое одеяло.

– Мы готовы? – спросил Ник.

Алекса еще раз оценила его внешний вид. Лицо Ника казалось бесстрастным, а взгляд – отсутствующим. Мягкие слаксы «Докерс» цвета хаки, белая футболка от Кэлвина Клайна и кожаные мокасины придавали ему стильный и небрежный вид. Выбеленные солнцем волосы были аккуратно причесаны, лишь спускался на лоб один непокорный завиток. Под футболкой угадывался красивый мускулистый торс. По ее мнению, даже слишком красивый. Ник, несомненно, качается в спортзале. Интересно взглянуть, напоминает ли его живот стиральную доску... Впрочем, от этого предположения у Алексы внизу живота появились опасные симптомы возбуждения, поэтому она прогнала все ненужные соображения и заставила себя сосредоточиться на текущих вопросах.

– У тебя такой вид, будто ты наступил в кучу собачьего дерьма!

От его равнодушия не осталось и следа. У Ника дернулся уголок рта.

– Хм, а Мэгги говорила, что ты пишешь стихи...

– Помни, что мы с тобой надыхаться друг на друга не можем. Если мои что-нибудь заподозрят, я не смогу выйти за тебя, и мама потом сживет меня со свету. Поэтому притворяйся как следует. Да, и не бойся дотронуться до меня – уверяю тебя, блох у меня нет.

– Я и не боюсь...

У него перехватило дыхание, когда Алекса потянулась и отвела с его глаз непослушную прядь. Шелковистость его волос ласкала ей пальцы, а его остолбенелый взгляд подстрекнул Алексу медленно провести тыльной стороной ладони вниз по щеке. Его кожа была на ощупь гладкой и в то же время шероховатой.

– Видишь? Ничего страшного в этом нет...

Он стиснул полные губы, вероятно досадуя на ее приставания. Что поделаться, Ник Райан воспринимал ее не как взрослую женщину, а как бесполое существо. Вроде амебы.

Алекса распахнула дверь машины, пресекая тем самым дальнейшие препирательства:

– Спектакль начинается!

Ник пробормотал что-то неразборчивое и вышел вслед за ней.

Им не пришлось даже нажимать кнопку звонка: все домочадцы по очереди высыпали на крыльцо, и гостей окружили щебечущие сестренки-двойняшки и оба представителя мужской части семейства, которые бросали на Ника оценивающие взгляды. Алекса по телефону уже предупредила родню о помолвке, скормив им историю о том, что давно тайком встречается с Ником, что у них завязался головокружительный роман и они решили пожениться. Ей пришлось задействовать немало выдумки, чтобы уверить родителей, будто они с Ником все эти годы были закадычными друзьями.

Ник попытался затеряться на заднем плане, но сестренки Алексы, Изабелла и Джаневьева, разгадав его уловку, тут же кинулись обниматься с ним, тараторя наперебой:

– Поздравляем!

– Теперь вы наш родственник!

– Иззи, говорила же я тебе, что жених у Алексы будет потрясающий! Это просто фантастика! Друзья детства – и вот тебе! Невеста с женихом!

– Вы уже назначили день свадьбы?

– Можно мне будет сидеть за столом рядом с невестой?

У Ника на лице было написано, что он еще немного – и перепрыгнет через перила крыльца и бросится наутек. Алекса, взглянув на него, едва не поперхнулась от смеха. Она живо сграбастала сестренку в объятия со словами:

– Хватит, глупышки, нагонять на него страху! Наконец-то у меня появился жених – не спугните его!

Сестры захихикали. Глядя на них, всякий думал, что у него двоится в глазах: у обеих были каштановые волосы, темно-синие глаза и тощие голенастые ноги, поэтому одна носила подтяжки, а другая – нет. Алекса решила, что учителя очень благодарны им за этот знак отличия. Впрочем, девчонки слыли ужасными озорницами и частенько менялись ролями.

Алексу отвлек громкий требовательный вопль. Она взяла на руки белокурого ангелочка, цеплявшегося за ее ноги, и осыпала трехлетнюю племянницу поцелуями.

– Тэйлор Возмутительница Спокойствия, познакомься с Ником Райаном, – сказала она. – Для тебя, егоза, он дядя Ник.

Тэйлор принялась рассматривать гостя с такой обстоятельной дотошностью, какую могут себе позволить только дети. Ник терпеливо дожидался ее вердикта. Наконец личико малышки расплылось в улыбке.

– Привет, Ник!

– Привет, Тэйлор, – улыбнулся он в ответ.

– Высочайшее одобрение пожаловано, – заключила Алекса и подтолкнула Ника вперед. – Сейчас познакомлю тебя с остальными. Мои сестры-близнецы Изабелла и Дженовьева уже совсем взрослые, так что подгузники им больше не нужны. – Она ухмыльнулась, услышав их дружное ворчание. – Моя невестка Джина и мой брат Ланс, ты его знаешь, и родителей тоже. А это Ник Райан, мой жених!

Она ничуть не споткнулась на непривычном слове. Ее мать смачно расцеловала Ника в обе щеки:

– Ники, какой ты стал большой! – Она гостеприимно раскинула руки. – А какой красивый!

Алекса заволновалась, не измазала ли мама щеки Ника помадой, но потом решила, что это пустяки.

– Э... мм, благодарю, миссис Маккензи, – откашлявшись, произнес Ник. – Давно мы с вами не виделись...

Ланс дружески пихнул его в плечо:

– Здорово, Ник! Тыщу лет тебя не видел. Ходят слухи, что ты теперь вольешься в нашу семью. Мои поздравления!

– Спасибо.

Подошел отец Алексы и подал руку для пожатия.

– Зови меня просто Джим, и давай на «ты», – предложил он. – Я-то помню, как ты любил поиздеваться над моей дочуркой. Думаю даже, когда она впервые выругалась, то имела в виду тебя!

– Думаю, с тех пор мало что изменилось, – язвительно заметил Ник.

Джим расхохотался. Джина, которую Ланс не выпускал из объятий, высвободилась, чтобы тоже поприветствовать гостя.

– Наконец-то у нас появится еще один человек со стороны, – лукаво поблескивая зелеными глазами, сказала она. – Теперь мы уравнием голоса на семейных собраниях.

– Но он же мужчина! – рассмеялась Алекса. – Не обольщайся, он всегда будет на стороне Ланса.

Ланс снова притянул жену к себе и обвил руками ее талию.

– Перевес не в твою сторону, детка! Наконец-то в доме станет одним мужиком больше, и вместе мы как-нибудь сладим с вашими женскими заморочками!

Алекса ущипнула его за один бок, Джина – за другой, а Мария осуждающе поцокала языком:

– Ланселот, мужчины при дамах такие разговоры не ведут!

– При каких еще дамах?

Мария шутливо хлопнула его по заду и скомандовала:

– Все за стол! Выпьем шампанского за молодых, поужинаем, а потом я угощу вас эспрессо!

– А мне можно шампанского?

– И мне?

Мария строго взглянула на канючивших девчонок и покачала головой:

– Для вас приготовлен яблочный сидр! Я купила бутылочку по такому случаю.

– И мне, и мне!

Алекса, потормошив ясноглазую кроху, согласилась:

– Ладно, и тебе дадим яблочного сока!

Она спустила племянницу с рук, и та поспешно поковыляла на кухню, где происходило столько всего интересного. Сердечное тепло их клана окутывало Алексу пушистым одеялом и не позволяло расхотеться нервам, мучившим ее до тошноты. Выдержит ли она? Наколдовать себе безымянного и безликого толстосума, чтобы спасти семью от разорения, – это одно, а Ник Райан из плоти и крови в течение целого года – совсем другое. Если родители вдруг догадаются, что их дочь совершила брачную аферу ради выкупа дома, они никогда ей этого не простят. Или себе не простят. Поток медицинских счетов – у ее отца оказалось слабое сердце – не иссякал, но семейная гордость вынуждала их отказываться от материальной помощи друзей. Если они узнают, что Алекса пожертвовала своей свободой, чтобы выручить их из кабалы, они не переживут такого удара.

Ник посмотрел на нее со странным выражением, словно ломал голову над какой-то загадкой. Ей вдруг нестерпимо захотелось взять его за руку.

– Все нормально? – спросила она.

– Прекрасно. Пойдем.

Она проводила жениха взглядом, подавив досаду на его неразговорчивость. Он же предупреждал, что не любит больших семейств. Не стоит принимать его поведение слишком близко к сердцу. Собравшись с духом и стиснув зубы, Алекса пошла за ним в дом.

Ужин растянулся на несколько часов: сытная итальянская лазанья и свежие хлебцы с чесноком, сыром и травами под бутылочку кьянти. К концу трапезы, когда все перешли в гостиную выпить эспрессо и самбуки, в голове Алексы, взбодренной вкусной пищей и душевной беседой, уже приятно шумело.

Она покосилась на Ника. Он пристроился рядом с ней на потертом бежевом диване, но на приличном расстоянии.

Вид у него при этом был донельзя несчастный.

Он вежливо слушал их разговоры, в нужных местах смеялся вместе со всеми и вел себя за столом как истинный джентльмен. Вот только он избегал встречаться с ней взглядом, отстранялся, если она нечаянно касалась его, и вел себя совершенно вразрез с тем любовным ослеплением, которое ему приписывали.

Джим Маккензи, прихлебывая кофе, словно невзначай обратился к нему:

– Ну, Ник, расскажи мне о своей работе.

– Папа! – торопливо вмешалась Алекса.

– Ничего, я расскажу. – Ник посмотрел на будущего тестя и начал объяснять: – «Дримскейп» – архитектурная фирма, занимающаяся застройкой долины Гудзона. Мы, например, проектировали японский ресторан на вершине горы близ Сафферна.

– Чудесное местечко для ресторана! – воодушевился Джим. – Мария обожает тамошние сады. А как вы относитесь к рисункам Алексы? – помолчав, спросил он.

Алекса едва заметно поморщилась. О боже, вот это худо. Просто ужасно. Живопись была для нее не слишком удачной попыткой самовыражения, и большинство ее знакомых не льстили ей похвалами. Алекса использовала рисование в основном как самолечение, не рассчитывая никого восхищать своими произведениями. Сейчас она попеняла себе, что позвала Ника заехать за ней в магазин, а не на квартиру. Джим, как бывший алкоголик, нутром чуял чужие слабости и теперь, словно стервятник, кинулся на запах крови.

– Они просто потрясающие, – натужно улыбаясь, ответил Ник. – Я всегда твердил

Алексе, что ей нужно устроить выставку.

Джим удовлетворенно скрестил руки на груди:

– Хм, так они тебе нравятся? А какой больше всех?

– Папа...

– Один пейзаж. Такое ощущение, будто сам в него попадаешь...

Посреди ее легкого опьянения взметнулась паника. Теперь отец точно распознал неестественность их взаимоотношений и продолжал подкрадываться подобно хищнику. Алекса была благодарна Нику за его тщетную попытку, но против такого доки, как ее отец, он был заранее обречен. Остальные домочадцы, знакомые с дальнейшей процедурой, молча наблюдали за развитием событий.

– Она не рисует пейзажей.

Заявление Джима произвело эффект разорвавшейся бомбы. Но Ник и глазом не моргнул.

– Алекса лишь недавно взялась за пейзажи. Дорогая, ты что, не говорила родителям?

– Нет... – пролепетала она, перебарывая страх. – Папа, извини, я и вправду пока вам не показывала... Я теперь рисую горные пейзажи.

– Но ты же их ненавидишь?

– Теперь люблю, – весело заверила отца Алекса. – Я смотрю на них иначе с тех пор, как стала встречаться с архитектором!

Джим лишь громко фыркнул на ее пояснение, по-видимому не собираясь сдаваться так быстро.

– За бейсбол болеешь, Ник, или за футбол?

– За то и за другое.

– Многообещающий сезон для «Гигантов»^[7], правда? Я рассчитываю на очередной Нью-Йоркский суперкубок. Ну а новое стихотворение Алексы ты читал?

– Какое именно?

– О проливном дожде.

– Конечно! Я считаю, оно просто замечательное.

– У нее нет ни одного стихотворения о дожде. Алекса пишет о жизненных впечатлениях – о любви, о расставаниях. Тема природы ей не близка, поэтому у нее нет и ни одного пейзажа.

Алекса одолела остатки самбуки, а к эспрессо не притронулась, надеясь, что ликер поможет ей дотянуть до конца визита.

– Э-э, папа, я только что написала один стих о дожде...

– Правда? Может быть, прочтешь его нам? Мы с мамой давно не слышали твоих новых работ.

– Ну... – замялась Алекса, – оно еще не совсем закончено. Вот когда доведу его до совершенства, то обязательно вам прочту.

– Но Нику все же показала...

Алексу начала одолевать дурнота, ладони стали липкими. Ей захотелось поскорее сбежать отсюда.

– Да... Ладно, Ник, нам, наверное, уже пора. Время позднее, а у меня еще столько хлопот перед свадьбой.

Ник оперся локтями о колени. Он перестал ходить вокруг да около и изготовился для решающего удара. Вся семья с тревогой ожидала неминуемой развязки. Сочувственное лицо брата подсказывало Алексе, что теперь свадьба вряд ли вообще состоится. Ланс покрепче

обнял жену за талию, словно воскрешая в памяти собственный неприятный опыт, когда он боялся объявить отцу, что Джина беременна и им придется пожениться. Тэйлор увлеченно собирала «Лего», не чувствуя собравшейся в воздухе грозы.

– О свадьбе я и хотел спросить, – начал Джим. – Срок вы назначили через неделю. Почему бы не отложить его, чтобы мы все присмотрелись к Нику и он мог полноправно войти в нашу семью? К чему такая спешка?

Ник попытался выгородить их обоих:

– Я понимаю, Джим, но мы с Алексой все обсудили и решили, что нам не нужно никакой шумихи по этому поводу. Мы просто хотим быть вместе, поэтому начнем жить с ней на законных основаниях.

– Как романтично, папа! – робко подала голос Иззи.

Алекса одними губами шепнула ей «спасибо», но отцу на выручку неожиданно пришла мама.

– Я согласна, – заявила Мария, появившись на пороге с кухонным полотенцем. – Мы славно погуляем на свадьбе! Но сначала соберемся еще раз на вечеринку по случаю вашей помолвки, чтобы Ник познакомился и с остальными родственниками. А к субботе будет ни за что всех не собрать, и наши кузены пропустят такое событие.

Джим поднялся со стула и объявил:

– Решено! Свадьбу нужно отложить.

– Отличная идея, – кивнула Мария.

Алекса схватила Ника за руку:

– Милый, можно тебя на минуточку?

– Конечно, дорогая...

Она потащила его по коридору и втолкнула в спальню, прикрыв за собой дверь.

– Ты все испортил! – свистящим шепотом накинулась она на Ника. – Я же просила тебя притвориться, но ты наплевал на все, и теперь родители догадались, что никакие мы не влюбленные!

– Я наплевал?! Это ты ведешь себя как в дурацком спектакле! Помнишь, ты ставила их для соседей? А мы сейчас в реальной жизни, и я стараюсь, как могу.

– Мои спектакли были не дурацкие! Сколько денег мы тогда зарабатывали на билетах! «Энни»^[8], например, имела оглушительный успех.

– Ты даже петь толком не умеешь, – фыркнул Ник, – а взялась играть Энни!

– Ты до сих пор злишься из-за того, что я не дала тебе роль папаши Уорбекса!

Ник провел пятерней по волосам и угрожающе зарычал:

– Какого черта ты пристаешь ко мне сейчас с этими глупостями?

– Лучше придумай, как нам быть, и побыстрее! Боже, ты что, не знаешь, как обращаться с девушкой? Ты сидел рядом со мной чинно-благородно, как будто я с тобой едва знакома! Неудивительно, что папа что-то заподозрил!

– Ты уже давно выросла, Алекса, а твой отец все еще допрашивает твоих приятелей. Нам их разрешение не требуется. Мы с тобой поженемся в субботу, и если твои родители недовольны, тем хуже для них.

– Я хочу, чтобы меня к алтарю вел мой отец!

– Но у нас свадьба фиктивная!

– А другой у меня в ближайшее время не предвидится!

Она не смогла сдержать горечи, до конца осознав всю затруднительность своего

положения. Никогда их брак не станет настоящим, и как только Ник наденет ей на палец кольцо, что-то будет навеки для нее утрачено. Всю свою жизнь она мечтала о вечной любви, о домике с белым штакетником и куче детишек. А вместо этого она получит бездушную денежную наличность и мужа, который будет терпеть ее из вежливости. Провалиться ей на этом месте, если ее жертва окажется напрасной из-за его неумения сымитировать чувство перед ее родителями.

Алекса встала на цыпочки и схватила Ника за плечи, впиваясь ногтями в ткань футболки и рая его до крови.

– Срочно все исправляй! – зашипела она.

– Что я должен сделать?

Алекса отчаянно заморгала и дрожащими губами выпалила:

– Что угодно, черт тебя побери! Быстро докажи моему отцу, что свадьба у нас настоящая, иначе...

– Алекса! – Из коридора донесся ласковый оклик Марии, вероятно обеспокоенной тем, почему они долго не появляются.

– Твоя мама идет...

– Знаю! Она, наверное, слышала, как мы препирались. Делай же что-нибудь!

– Что?

– Что хочешь!

– Отлично.

Он схватил Алексу, привлек к себе и, наклонив голову, впился в ее рот. Ник крепко держал ее за талию, прижимаясь к ней всем телом. Алексе не хватало воздуха, ее ноги подкосились, и она покачнулась. Она ожидала от Ника бесстрастного сдержанного поцелуя, чтобы исподволь показать маме, что они влюблены друг в друга, а вместо него получила вспышку тестостерона и необузданной сексуальной энергии. Его теплые губы обволакивали ее, зубы покусывали, язык буравил себе ходы и своевольно сновал туда-обратно, выпивая по каплям остатки ее упорства, тогда как она все сильнее провисала на его руке.

Но Алекса не сдалась. Она отплатила Нику тем же. Ошалев от его напора, упиваясь его мускусным запахом и вкусом, она наслаждалась всем его крепким телом, и в них обоих постепенно разгорался чувственный жар, толкая их на самый край.

Алекса глухо застонала. Ник запустил руку в тяжелую массу ее волос, не давая ей запрокинуть голову, и продолжил сексуальное вторжение. Ее груди налились и отяжелели, а внизу живота пульсировал расплавленный огонь.

– Алекса, я... Ой!

Ник прервал поцелуй, и Алекса оторопело взгляделась в его лицо, ища в нем признаков увлеченности, но Ник в этот момент смотрел на ее мать.

– Извините, Мария... – улыбнулся он ей.

Ни дать ни взять семя, отвлеченный от самки.

Мария неловко засмеялась и перевела взгляд на дочь, притихшую в объятиях жениха.

– Простите, что помешала... Когда закончите, приходите к нам.

Ее шаги затихли в коридоре, и Ник наконец-то удостоил Алексу взглядом, от которого она содрогнулась. Она ожидала увидеть, как его светло-карие глаза туманятся страстью, но они были, как всегда, прозрачны. Если бы она не ощущала бедром его эрекцию, то решила бы, что поцелуй несколько его не взбудоражил. Она вдруг перенеслась в иное время и в иное место – в лесную чащу, где она так опрометчиво призналась в своих чувствах и все ее

надежды тогда потерпели крах. Она словно наяву почувствовала то первое прикосновение его мальчишеских губ, аромат одеколona, щекочущий ей ноздри, ощутила, как его пальцы легонько сдавливают ей талию...

По ее спине ледяной стружкой пробежал холодок: если он снова посмеется над ней, она все тотчас же отменит. Пусть только попробует!

Ник разомкнул объятия и отстранился. Между ними, подобно сокрушительной волне, набирающей скорость и грозящей смести все на своем пути, повисло молчание.

– Кажется, наша проблема решена, – произнес Ник. Алекса не ответила. – Ты этого хотела?

Она высоко вскинула подбородок, стараясь не выдать хаоса эмоций, извивавшихся внутри нее подобно змеям:

– Наверное.

Он выждал немного, затем подал ей руку:

– Нам надо выступить единым фронтом.

Он учтиво и вместе с тем твердо стиснул ее ладонь, и у Алексы на глаза навернулись слезы. Она поспешно прогнала их прочь, решив, что находится сейчас, вероятно, на самом пике ПМС. Другого объяснения, почему поцелуй Ника Райана доставил ей неопишное наслаждение и при этом так глубоко ранил ее, Алекса придумать не могла.

– Ты как, нормально?

Алекса едва не поморщилась, но тут же улыбнулась ему такой лучезарной улыбкой, какая вполне могла украсить рекламу зубной пасты.

– Разумеется! Замечательная, кстати, идея!

– Спасибо.

– Только не застывай там снова, будто ты труп. Представь, что я Габриэлла.

– Тебя с Габриэлкой я ни за что не спутаю.

Его язвительное замечание больно укололо ее, но Алекса не выказала слабости:

– Не сомневаюсь. Но ведь и ты для меня, Красавчик, вовсе не предмет воздыханий.

– Я не то имел в виду...

– Брось... – Она привела его обратно в гостиную. – Извините, мы тут задержались. И нам все-таки пора. Уже поздно.

Все повскакали и начали прощаться. Мария поцеловала дочь в щеку и одобрительно подмигнула.

– По мне, может, спешить и не стоит, – шепнула она, – но ты теперь уже взрослая. Так что слушай не отца, а свое сердце.

У Алексы перехватило в горле.

– Спасибо, мамочка. У нас на этой неделе столько всяких дел!

– Не переживай, дорогая.

Они уже стояли на пороге, когда Джим сделал последнюю отчаянную попытку их переубедить:

– Александрия, ради всей семьи, может, отложите свадьбу хотя бы на несколько недель? Ник, ты не возражаешь?

Ник положил ладонь будущему тестю на плечо, а другой крепко держал за руку невесту.

– Джим, я прекрасно понимаю причину твоей просьбы. Но дело в том, что я от твоей дочери без ума, и в субботу мы все-таки поженимся. Благослови нас, пожалуйста.

Все вдруг притихли, даже Тэйлор перестала лепетать и внимательно посмотрела на

взрослых. Алекса уже предчувствовала ссору, но Джим неожиданно кивнул:

– Ладно. Можно тебя на минутку?

– Я сейчас, – пообещал Ник Алексе и ушел за хозяином на кухню.

подавляя тревогу, она принялась обсуждать с Иззи и Джен свадебные наряды, то и дело поглядывая на жениха, слушавшего ее отца с самым серьезным видом. Через несколько минут оба пожали друг другу руки, и Джим, целуя дочь на прощание, казалось, был более-менее удовлетворен результатом переговоров. Алекса с Ником, помахав всем еще раз, направились к машине.

– Чего папа хотел от тебя?

Ник вырулил с подъездной аллеи и теперь сосредоточенно смотрел на дорогу:

– Его волновали свадебные издержки.

Алекса едва не захлебнулась от внезапного чувства вины. Она совсем позабыла о предстоящих тратах. Отец, конечно же, рассудил, что платить должен он, несмотря на то что времена теперь другие. На ее лбу выступила испарина.

– И что ты ему сказал?

Ник, покосившись на нее, ответил:

– Я не позволил ему оплатить расходы и объяснил, что если бы я согласился на его просьбу и выждал год, то принял бы его предложение, но, поскольку мы сами настояли на том, чтобы поторопиться со свадьбой, я решительно намерен взять на себя все издержки. В конце концов мы сошлись на том, что Джим оплачивает смокинги себе и твоему брату, а я – наряды твоих сестер и твой, а также все остальные свадебные расходы.

Алекса облегченно перевела дух и в свете приближающихся фар внимательно взгляделась в лицо Ника. Оно показалось ей, как всегда, равнодушным, но его благородство тронуло ее за душу.

– Спасибо, – тихо сказал Алекса.

Ник от ее благодарности даже вздрогнул, словно задетый за живое.

– Не за что. Твои родители ни в чем не виноваты, и далеко не все смогут за неделю наскрести денег на свадьбу. К тому же я понимаю, что задета их семейная гордость, а я вовсе не намерен забирать у них последнее.

Алекса проглотила ком в горле, и некоторое время они ехали в молчании. Через окно машины она глядела в темноту, думая о том, что щедрый жест Ника предполагает наличие между ними настоящих отношений. Но Алексе отчаянно хотелось большей подлинности. Ее родители заслуживали, чтобы она представила им своего истинного избранника, а не фальшивку. То количество лжи, к которой пришлось прибегнуть в течение вечера, угнетало ее, и теперь Алекса осознала, что заключила сделку с дьяволом за кругленькую сумму денег. Чтобы спасти семью, конечно, но все же ради денег.

Ее невеселые думы нарушил хрипловатый голос Ника:

– Ты, кажется, расстроилась из-за нашей невинной уловки?

– Терпеть не могу обманывать своих!

– Зачем тогда обманываешь? – Воцарилось неловкое молчание. Ник не отступал: – Неужели так сильно нужны деньги? Ты, кажется, не в восторге от нашего будущего брака? Врешь родственникам, устраиваешь поддельную свадьбу... И все ради развития бизнеса? Можно с таким же успехом взять в банке кредит. Так многие делают. Что-то здесь не вяжется...

Объяснения так и рвались наружу – Алекса едва не проговорила. Болезнь отца вскоре

после его возвращения в семью. Невозможность покрыть за счет страховки запредельные суммы счетов. Титанические усилия брата закончить медицинский вуз и одновременно прокормить жену и ребенка. Беспрестанные звонки от сборщиков налогов, пока наконец мама не поняла, что другого выхода нет и нужно продать дом, без того неоднократно заложенный. Весь груз ответственности и беспомощность, которая изводила Алексу все это трудное время...

– Мне нужны деньги, – кратко объяснила она.

– Нужны? Или желательны? – насмешливо уточнил Ник.

Алекса досадливо закрыла глаза. Он явно вдолбил себе в голову, что она эгоистка и пустышка. И в этот момент до нее дошло, что от этого мужчины ей нужно очень крепко обороняться. Его поцелуй разбил вдребезги все иллюзии Алексы насчет ее безразличия к нему. Ощувив его губы на своих губах, она погрузилась в сокровенную глубину своей сути, как и тогда, в лесу. Ник Райан разнес по камешку ее защитные укрепления, проделав в них брешь для вторжения. Через неделю проживания с ним в тесном соседстве она уже будет гарцевать на нем в его спальне.

Другого выхода не было.

Ей необходимо усердно культивировать в нем ненависть к себе. Если он заподозрит в ней сомнительную личность, то оставит ее в покое, и через год она уйдет восвояси, сохранив собственное достоинство и семейную честь. Но пробуждать в нем жалость, принимать от него подачку – ни в коем случае! Если она расскажет правду о своей проблеме, вся ее решимость, чего доброго, даст трещину. Вдруг он вздумает подарить ей необходимую сумму, и тогда она окажется его вечной должницей...

Стоило Алексе вообразить, что в глазах Ника она предстанет этакой страдальцей во имя спасения Тары, как у нее перехватывало в горле от унижения. Нет уж, пусть лучше он считает ее черствой делягой, раз ему так приятнее. По крайней мере, негодование будет удерживать его на расстоянии. Его близость действовала на Алексу, словно искра на порох, но служить жалкой заменой его драгоценной Габриэллы – черта с два!

Сделка с дьяволом состоится, но на ее собственных условиях. Алекса задействовала скрытые резервы и с упоением предалась второй за вечер серии лжи.

– Ты действительно хочешь знать правду?

– Ага, очень хочу.

– Ты, Красавчик, вырос при деньгах. А они помогают решить большинство проблем. Я устала бороться за жизнь, как моя мать. И не хочу еще пять лет дожидаться расширения своего магазина. Я не хочу связываться с процентами и банками. На эти деньги я смогу открыть при «БукКрейзи» кафе и раскрутить его.

– Что, если оно прогорит? И ты опять вернешься к исходной точке?

– Но сам магазин тоже чего-нибудь стоит. Его всегда можно продать. К тому же излишки я вложу в какие-нибудь надежные ценные бумаги. Или, например, сразу куплю домик, чтобы обеспечить себя к тому моменту, когда мы аннулируем наш брак.

– Почему тогда не попросишь двести тысяч? Или даже больше? Почему не обдерешь меня как липку?

– Я прикинула, – пожала плечами Алекса, – что ста пятидесяти тысяч мне вполне хватит на все, что я наметила. Если бы я была уверена, что ты дашь мне больше, то попросила бы. Тем более что, если не считать необходимости встречаться с моей семьей, для тебя это довольно выгодная сделка. Ну а мне предстоит постараться ужиться с тобой.

– Я и не подозревал, что ты такая рассудительная.

Он, вероятно, хотел ей польстить, но Алекса едва не сгорела от стыда. Так или иначе, столь необходимое отчуждение в отношениях она у него выторговала. Да, ценой ущемления своей гордости, но Алекса в очередной раз напомнила себе, что цель оправдывает средства, и промолчала.

Ник подрулил к ее дому. Алекса сама открыла дверь машины и взяла сумочку:

– Я пригласила бы тебя в гости, но мы и так целый год проведем в обществе друг друга.

– Спокойной ночи, – кивнул Ник. – Звони, если что-то понадобится. Грузчиков для переезда я пришлю, как только уложишь вещи. Со свадьбой решай все, как тебе захочется, и сообщи, куда и когда явиться.

– Ладно. Пока.

– Пока.

Алекса зашла в квартиру, привалилась к закрытой двери спиной и стала сползать вниз, пока не села на пол. Только тогда она заплакала.

* * *

Ник дождался, пока она поднимется к себе на верхний этаж и в ее окне зажжется свет. Тишину нарушал только мерный рокот автомобильного двигателя.

Ник не понимал, почему его так покорила прямота ее признания. Какое ему, в конце концов, дело, зачем ей понадобились деньги? В любом случае лучше повода для того, чтобы безболезненно прожить целый год бок о бок, просто не придумать. И надо выдерживать с ней дистанцию... Визит к ее родителям взбудоражил в его душе застарелую тоску, рвавшуюся теперь наружу. Ник поспешно подавил ее в зародыше, досадуя, что никак не искоренит в себе проблеск дурацкой надежды иметь нормальную семью. Может быть, поведение Алексы было тому виной... Она так часто и приветливо улыбалась, что ему хотелось впиться в ее рот и выведать, что скрывается за этими пухлыми красными губами. Скользнуть языком внутрь и вызвать ее на игру. Ее облегающие джинсы обрисовывали выпуклости ее ягодиц и изгиб бедер, пунцовая блузка на пуговицах, с виду довольно скромная, открывала взгляду нежно-розовое кружево бюстгальтера, стоило Алексе наклониться к нему. Заметив в вырезе ее пышную грудь, Ник распалился не на шутку и не всегда мог сосредоточиться на застольной беседе. Бо́льшую часть вечера он старался устроить так, чтобы она почаще наклонялась, и украдкой заглядывал в ее декольте. Словно озабоченный подросток.

[Купить полную версию книги](#)

notes

«Большое приключение» – парк аттракционов в штате Нью-Джерси. – *Здесь и далее прим. перев.*

«Нью-Йорк метс» – бейсбольная команда из Нью-Йорка, входящая в Восточное отделение Национальной бейсбольной лиги.

«Нью-Йорк янкиз» – бейсбольная команда из Нью-Йорка, входящая в Восточное отделение Американской бейсбольной лиги.

«Уолтоны» – телесериал о жизни семьи из сельской местности в Виргинии в период Великой депрессии и Второй мировой войны.

В романе американского писателя Айры Левина «Степфордские жены» (1972) рассказывается о вымышленном идиллическом городском предместье Степфорд, где мужчины заменили жен роботами.

Детская игра, где дети ложатся на дорогу или на рельсы перед идущим транспортом и где победителем считается тот, кто встал последним.

Футбольная команда «Нью-Йорк джайентс».

«Энни» – знаменитый бродвейский мюзикл о девочке-подкидыше.